

Борис Цеханович

Страсти по автомобилю

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Геннадьевич Цеханович

Страсти по автомобилю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69276874

SelfPub; 2023

Аннотация

У каждого, кто имеет автомобиль своя история, свой незабываемый опыт. Порой поучительный, с юмором или же с проблемами на дороге, не без криминальных составляющих, на которых каждый вынужден учиться. Но это опыт, который приходит с годами и с проблемами на дорогах. В данной повести рассказывается о личном опыте автора, где переплетено всё – дороги, криминал, хорошие и плохие ГАИшники, дурость и самонадеянность, а также удача и везение, которые зачастую спасает нас в экстремальных ситуациях. Фото на обложке из личного архива автора.

Содержание

Мотоцикл	14
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Борис Цеханович

Страсти по автомобилю

Честно сказать, ни в детстве, ни потом, когда стал взрослым и была возможность купить автомобиль, никогда не горел особенным желанием иметь мотоцикл или машину. Во-первых, и это самое главное – я не соображал в них. Не мог, например, по маркам отличить ЗИЛ-157 от ЗИЛ-130. Такая же байда была и с легковыми машинами, чем здорово удивлял более продвинутых в этих вопросах товарищей. Про двигатели вообще не имел даже малейшего представления. А вот мои друзья одноклассники по раннему детству прямо мечтали быть водителями и делали всё, чтобы приблизить этот момент. У них даже все игры были автомобильными. А я любил играть в войну и хотел быть военным. Не..., конечно, я мечтал об автомобиле и как буду сидеть в легковушке и рулить по дороге... Но..., но..., это были чисто умозрительные грёзы на отвлечённые темы. Больше всего в детстве мечтал о банальном, взрослом велике, который мне впоследствии купили, когда закончил 7 классов. И призрачные мечты об автомобиле были тут же забыты.

Во-вторых: приобрести автомобиль в Советское время, да ещё в 70ые годы, было ещё той проблемой. Сначала надо было встать в многолетнюю очередь на покупку и когда она подойдёт надо уже либо накопить приличную сумму в несколь-

ко тысяч рублей, либо влезть в нешуточные долги и занять где-то. Ну..., а уж про в-третьих..., в-четвёртых..., даже задумываться не хотелось.

Но..., в отличии от огромной массы советских граждан, желавших купить машину, мне повезло и имел хорошую возможность лет так в 22-25 запросто купить легковушку. В 70х годах я уже несколько лет служил в Германии и там дали в виде эксперимента, разрешение на 3 года прапорщикам и офицерам покупать у немцев подержанные легковые автомобили с вывозом в Советский Союз.

В Союзе в то время новый Жигули первой модели – «народная копейка», стоила 5 600 рублей. Это если ты купил по очереди. А уже подержанная, но в хорошем состоянии «Копейка» стоила на 2000, а то на 3000 тысячи дороже. «Волга» стоила 9500 рублей. А с рук и до 15000 тысяч доходила и выше. Такие вот парадоксы существовали в то время на автомобильном рынке СССР, когда подержанная машина стоила дороже новой.

А в ГДР цены на автомобили с пробегом были вообще смешные. Приличную «Копейку» в хорошем состоянии, да ещё в экспортном исполнении можно было приобрести за 450-500 немецких марок. Денежное содержание в ГДРовских марках я, командир взвода, получал в размере 700 марок. И ещё тебе на вкладную книжку в военно-полевом банке ежемесячно капало в пределах 300 рублей. Их ты получаешь по прибытии в отпуск в Союзе, когда за год между от-

пусками там набегала приличная сумма в 3600 рублей. Покупаешь «Жигу» за 450 марок, ещё 450-700 на перекраску и замену каких-либо деталей. Платишь в полиции 200 марок на оформление уже на себя машины и можно было в отпуск спокойно катить своим ходом в Союз, домой. При этом бензин на дальнюю дорогу по ГДР и Польше, частично по Союзу, запасался в части.

То есть – покупка, подготовка и перегон «Жигулей» в Союз для прапорщика обходилась, учитывая курс рубля к марке 30 копеек 1 марка, в целом в 500 – 800 рублей.

Офицеры, которые получали гораздо больше, чем прапорщики, брали машины получше и дороже. Покупка «Волги» ГАЗ-21, например, обходилась в среднем в 2000 марок, ГАЗ-24 порядка 2500-2700 марок. Те же 450-700 марок на перекраску и замену некоторых деталей двигателя. И в отпуск и всё это удовольствие выливалось в общем несколько больше 1000 рублей.

Но можно было вообще бесплатно взять машину. Немцы, народ дисциплинированный и аккуратный. И когда приходило время покупки новой машины, а он не смог никуда пристроить старый автомобиль, то немец гнал его на ближайшую автомобильную свалку. Свалка, это так было принято у русских называть такое место. На самом деле это было обыкновенное предприятие переработки вторсырья, где принимали пригнанные машины и ставили их в ряд таких же железных бедолаг, где они дожидались разбора. Всё чистенько и орга-

низованно, как это принято у немцев. Пригонял немец машину, аккуратно ставил в ряд таких же машин, сливал бензин, снимал АКБ, сдавали приёмщику документы на авто и он ещё за это должен был администрации свалки заплатить 200 марок за утилизацию автомобиля.

И были у нас такие ухари, которые брали со своего подразделения АКБ, ехали на такую автомобильную свалку, выбирали машину, ставили аккумулятор, заливали бензин и уезжали в часть. Та же самая перекраска, подшаманить и в Союз.

Но это было не всё. Пикантность была в том, что машины гнали в Союз на перекуп. Месяц в отпуске покатаются на машинке и продают, уже по ценам Союза и приличная сумма денежных знаков благополучно оседала на сберегательную книжку в Сбербанке. А прапорщик или офицер, если он кручёный, на следующий год гонит на Родину новую машину.

Можно было и мне таким простым способом занять машину. Но..., но..., я как-то не «горел» этим делом, немало важным было и отсутствие прав. Да и молодой был, бестолковый, никакого житейского опыта... Всё можно было решить и права купить, и машинку пригнать в Союз и продать её с хорошим наваром.

Я как-то приехал в отпуск. Мама была приличным начальником, а у неё в подчинении был солидного вида армянин. Однажды вечером он пришёл к нам домой и на полном серьёзе говорит мне, постукивая пальцем заросшим чёрным

волосом по круглому столу: – Борис, если ты мне в следующий отпуск пригонишь с Германии «Волгу» ГАЗ-21, то я на этот стол молча положу пятнадцать тысяч рублей, заберу у тебя ключи, документы и уеду в свой гараж.

А пятнадцать тысяч рублей по тем временам были Ого-го-го какие деньги. Две квартиры кооперативные можно было купить.

Но мне хватало и тех хороших денег, которые я получал в Германии. А вот когда меня перевели для дальнейшей службы в СССР и была уже семья и сын, стал слегка задумываться над этим вопросом. Да и тогда офицерский состав Советской армии снабжали гораздо лучше, чем гражданское население, в том числе и автомобилями. И в конце концов я бы и купил легковушку. В дивизии была комиссия по распределению дефицитов и периодически на часть выделяли достаточное количество автомобилей. Главным по распределению автомобилей был подполковник Зензин. И ему приходилось активно бегать по полкам и тормозить офицеров и прапорщиков, предлагая купить выделенное количество машин, прекрасно понимая, что если он не сумеет продать все машины, то следующий раз дадут меньше.

Несколько раз он и меня вылавливал на территории части и настойчиво всучивал новенький Москвич-412. И наверно он добился бы своего, но в это время новая удача улыбнулась мне с другой стороны и я стал готовиться к службе в Республике Куба начальником разведки одного из учебных

центров.

Подполковник очень огорчился, считая, что он добавил и я готов к покупке, а тут такой облом – потенциальный покупатель просто уплыл из его рук, да ещё с ехидной ухмылкой заявил: – Товарищ подполковник, да я после Кубы куплю себе что-нибудь посерьёзней, чем Москвич...

Должность начальника разведки предполагало гораздо более глубокое внедрение в кубинское общество, и я обзавёлся обширными знакомствами на довольно высоком уровне.

Автомобилизация кубинского населения проходило на острове Свободы совершенно по другому принципу, чем в Союзе. Здесь машины не продавали, а распределяли по рангам власти. Так отраслевые министры революционного правительства выделяли ударникам труда польские Фиаты. Министр обороны и брат Фиделя Кастро имел право наградить отличившихся и не только кубинских офицеров, но и гражданских автомобилем Жигули разных моделей. А сам Фидель Кастро награждал Волгами ГАЗ-24.

В ходе своей службы и на почве коллекционирования я познакомился с Президентом общества филателии и нумизматики Республика Куба. Знакомство быстро переросло в дружбу и частенько высокий и статный Густо, так его звали, бывал у меня в гостях. И наоборот. Благо он проживал в соседнем городе Сантьяго Де Лас Вегас и приехать к нему было делом 20 минут.

И вот в конце моей службы на Кубе он захотел сделать мне дружеский подарок.

– Борис..., – обратился он ко мне однажды, делая ударение на последнем слоге, – я могу договориться с правительством и через общество филателии и нумизматики выделить тебе Волгу ГАЗ-24... Всё это будет тебе стоить 2000 песо....

Это было весьма заманчивое предложение и была хорошая возможность вывезти автомобиль на корабле, на котором я с семьёй буду уходить на Родину. В этом плане была интересная особенность службы на заморской территории. На Кубе располагалась отдельная мотострелковая бригада, в которой я служил и официально считавшейся «12 Учебным центром». Также, в различных советских военных центрах и советниками служило очень большое количество советских военнослужащих. Ещё работало советского гражданского персонала по всей стране около 100 тысяч человек и все они жутко завидовали военнослужащим нашей бригады. Так как все они, кроме нас, прибывали на Кубу и убывали с неё исключительно самолётами Аэрофлота. А мы армейцы приходили и уходили с Кубы океанскими лайнерами и 40-ти дневное путешествие по морям и океанам туда и обратно придавало дополнительные яркие краски к службе. При улёте самолётом все наши специалисты были естественно ограничены весом багажа, а ведь как им хотелось увезти массу интересных сувениров и другого барахла, которого они приобретали в валютных магазинах. Зато мы армейцы, даже самый

захудалый солдат мог увести на корабле ящик багажа до 80 килограмм, а то и больше. А уж офицеры и прапорщики.... Сколько угодно. Я, например, загрузил на корабль 8 здоровенных ящичков багажа общим весом под 700 килограмм. И это был не предел.

Так и с автомобилем. 2000 тысячи песо в тех условиях были для меня небольшой суммой. Ну.., ещё 1000 или 2000 долларов скорее всего пришлось бы дать капитану за разрешение погрузки на корабль. И я загорелся этой идеей, но при более зрелом размышлении пришлось с великим сожалением отказаться. И тут было несколько причин. Первая – банальная зависть. Прослужил я на Кубе вместо 2-х обязательных лет для всех офицеров и прапорщиков, два с половиной года. Немаловажную роль в зависти вызывали мои многочисленным знакомства среди разных слоёв кубинского населения, что давало мне больше возможностей перед другими офицерами и прапорщиками. Вторая – моя должность начальника разведки. А раз так, то в качестве партийного поручения мне навесил Народный контроль. И я с азартом стал ловить армейских ворюг, и среди тыловигов нашёл немало врагов. Третье – это оружие. Закон об оружии на Кубе был очень мягкий и каждый кубинский силовик мог иметь дома или носить на службе какой он хочет пистолет. Вот мне в знак крепкой дружбы и совместных дел кубинские полицейские и подарили немецкий парабеллум Люгер P08 и двести патронов к нему. Из-за чего ко мне привязались особисты

– Не Положено! Но я их послал на хер, заявив, что я не в СССР, а на Кубе. А те пригрозили в ответ, что если не сдам его им, то они пошлют письмо на таможеню с просьбой тщательно досмотреть мой багаж и мою семью. Хотя, честно говоря, я и не собирался везти пистолет в Союз, так как это было хорошей уголовкой, если его у меня обнаружат. Тяжело повздыхав, решил – расстреляю все патроны и верну пистолет подарившему.

Так что меня могли запросто подставить. Несмотря на то, что приобрету Волгу на вполне законных основаниях, ко мне очень просто могут придраться и столько затыков и препон поставят, что будет довольно трудно договориться с капитаном. Или же действительно напишут на таможеню и там у меня будут проблемы, да ещё может и конфискуют под каким-нибудь предлогом машину.

Так оно и получилось. На меня написали анонимку, что я имею намерения во время стоянки в порту Санта Круз на Канарских островах, сбежать с семьёй с корабля и попросить политического убежища в Испании. И вместо шикарного, девятипалубного лайнера «Грузия», Канарских островов и солнечной Одессы в конце июня, я должен был уходить на менее шикарном корабле «Клавдия Еланская», мимо Британии и Норвегии в начале мая в холодный Мурманск.

Значит, не судьба иметь шикарное по тем временам Авто. Вернувшись в Союз с хорошими деньгами, мысли о покупке автомобиля отодвинулись на второй и даже может

быть и третий план из-за того бардака, творившийся в стране. А потом развал Советского Союза и вообще стало не до того. Да ещё случайно купил мотоцикл, что также отодвинуло покупку автомобиля.

Мотоцикл

– Чёрт..., – с досадой плюнул перед воротами и растерянно затоптался перед основательным, кирпичным гаражом, тоскливо понимая, что увижу за варварски вскрытыми железными полотнищами.

У меня был уже положительный опыт владения добротным железным гаражом и стоял он недалеко от центрального КПП 32-го военного городка. Понравилось и у меня появилось место, где мог спокойно заниматься своими мужскими делами, когда над твоей душой никто не стоит, а то и просто посидеть за бутылочкой пивка. Но железный есть железный, да стандартного размера 3х6 метра. И со временем захотелось больших размеров и капитальный. Пообщался с ребятами и прямо за парком нашего полка, мы – офицеры полка, в 91 году построили себе целый ряд капитальных гаражей. Что здорово скрашивало службу в кадрированном полку. Нырнул в щель запасных ворот парка и ты уже в своём гараже: и вроде бы на службе и в то же время занимаешься своими личными делами. Свистнули бойцы тебе из-за забора и через минуту ты обратно в парке, с деловым видом – как будто и не уходил никуда. 70 капитальных гаражей, а по сути холодные каптёрки, где офицеры хранили имущество своих подразделений и служб. И несколько лет всё было нормально, но лихие 90ые также лихо поменяли и людские приори-

теты. Народ, а это люди далеко не бедствующие, но как-то быстро потерявшие всякий стыд, при развале страны. Молодёжь, которой было проще обворовать кого-нибудь, чем самим заработать себе на развлечения. Бомжи, у которых давно ничего святого не было и многие другие, которые в советское время пёрднуть боялись без разрешения власти.... Вдруг почувствовали себя офигенно свободными от всего, в том числе и от такого понятия как Совесть. И все они ринулись добывать себе пропитание любыми путями, ничего не стесняясь.

Одним из таких мест оказались гаражи и не только наши. Нас стали банально грабить. Вскрывали, переворачивали там всё и брали тоже всё, представляющее хоть какую-нибудь ценность или что можно было сдать в вдруг и одновременно появившиеся многочисленные пункты приёма разного хлама. Гаражи наши стояли у погрузочной ramпы, где в советские спокойные годы тоннами валялись огромные кучи скруток ржавой крепёжной проволоки с воинских эшелонов и никому она была не нужна. А тут всё это мигом исчезло с земли и эффектно переместилось в пункты приёма металла и сейчас нигде невозможно было найти хоть кусочек металлической детали, так тщательно поработали бомжи и люди, сделавшие сбор металлолома своим бизнесом. Дошли, суки, до того, что ночью или вечером подъезжали к гаражам, крюком цепляли за металлические ворота и грузовой машиной выдёргивали их из стены. Долго мы охотились за эти-

ми скотами, но всё-таки сумели вычислить и в одну из тёмных ночей, грузовик этих сволочей, красиво запылялся на Керамике. Но это не остановило грабёж. Теперь к этому делу приступила молодёжь с соседнего совхоза. В парк они лезть боялись, так как одного четырнадцатилетнего пацана ночью просто пристрелил часовой. Вот они и переключились на наши гаражи. Словили двоих, уже пятнадцатилетних. Старались им ничего не сломать, но всё равно избили за воровство очень сильно.

Боже мой... Что было потом... Нас называли фашистами, уродами, избившие несчастных детей, которым так плохо и трудно живётся в такое непростое время... Ну и что, что они залезли в чужой гараж... Но ведь они никого не убили... И эти малолетние суки продолжали обворовывать наши гаражи.

Вот и сейчас очередь дошла и до моего гаража. А там у меня стоял мой старый мотоцикл «Урал» и новенький «Урал» товарища, Коли Бородули. И судя по многочисленным следам – они там стояли ещё вчера вечером.

Так оно и было. Мотоциклы укатили в сторону совхоза, больше ничего не взяли. Ну..., у меня то мотоцикл старый. И год назад купил грузовую «Газель». А вот Коля очень здорово расстроился. И вечером, сидя в гараже и активно размахивая незажженной сигаретой, пьяно делился впечатлениями от посещения милиции.

– Боря..., посмеялись они там надо мной..., очень весе-

ло и жизнерадостно... Говорят – Майор, мы тут крутые иномарки найти не можем, а уж твоим мотоциклом и заниматься не будем. Хотя..., если хочешь – то можешь написать заявление о краже. А они мне говорят – 99% что не найдём и 1%, что это произойдёт совершенно случайно....

Я тоже пьяно шурился на товарища и слушал его в пол уха и про себя просто поминал железного друга, с которым так много было связано разных веселых и глупых воспоминаний.

* * *

Я отошёл достаточно далеко чтобы отлить, но сразу забыл про это, с завистью наблюдая, как пьяные гражданские мужики «зажигали» на новеньком, чёрном мотоцикле «УРАЛ». То, что он был новенький говорило всё: и сверкающая глубокой чернотой краска, и чистенький, алюминиевого вида, двигатель, две ярко блестящие никелированные выхлопные трубы, кожа фартука коляски и многое другое по мелочи, прямо кричало: – Я совсем новый, я ещё Ого... го... го. И меня ещё не убили...

А его убивали. Причём убивали целенаправленно. Пять здоровых, именно здоровых, мужика, во хмелю, причём очень сильном, надели на мотоцикл, где это было возможно и на задней скорости яро штурмовали крутой, глинистый подъём охеренно высокого бугра на берегу Елизаветинского пруда. И мотоцикл запросто и легко взял это препятствие.

Уж чего они больше хотели – то ли убить мотоцикл, то ли самим разбиться весело, красиво и с русской удачью – Не знаю? Но, остановившись на бугре, они переключили скорость и стремительно помчались вниз по крутому, расхераченному спуску. От банального группового самоубийства их спасло извечное русское поверье – Везёт дуракам и пьяным. И если они были бы трезвые, я сейчас суетился внизу, сортируя – кого нужно реанимировать прямо сейчас и неотложно, а кого... просто оставить... Как он и лежит...

Но они, с оглушительным рёвом двигателя, с дикими, разухабистыми криками пронесли мимо меня, обдав пылью и непередаваемым запахом бензинового выхлопа, умчавшись к слегка обрывистому берегу пруда, куда они чудом не свалились, свернув в самый последний момент.

Вспомнив, что мне надо было сделать – сделал и вернулся к своей компании. Пару часов назад мы собрались и решили немного отдохнуть на пруду. Приехали, покупались, друзья сели азартно играть в неизменную «Тысячу», а я безмятежно валялся на синем солдатском одеяле, изредка поглядывая в сторону мотоциклистов. Они расположились недалеко от нас и азартно принялись квасить. Так азартно, что уже через час хозяин мотоцикла вскочил на своего железного коня и умчался за новой порцией бухла в ближайший магазин.

Ещё через час снова отошёл в сторону, отлил и, не удержавшись, подошёл к мотоциклу. Хорош... Хорош... Ничего не скажешь. Нравится он мне, нравится солидным видом,

статью, мощью... Хороший мотоцикл. Присел на корточках, с любопытством разглядывая двигатель, и не заметил, как ко мне подошёл владелец мотоцикла.

– Что, командир – Нравится?

– Да... Хорошая машинка..., – с чувством и с лёгкой завистью ответил, с сожалением оторвав взгляд от мотоцикла, и поднялся во весь рост.

– Так..., покупай..., продаю..., – с улыбкой предложил парень и я озадаченно глянул на него. На всё в Союзе была очередь, в том числе и на мотоциклы. Стоил он так-то 1900 рублей, но у нас такая страна удивительная, что если покупать с рук и вот так, можно сказать, уже подержанный ну явно будет где-то около трёх тысяч.

– Какого года? – Осторожно «закинул удочку». Осторожно, потому что хотелось иметь мотоцикл, и в тоже время не хотелось платить такую сумму – в три тысячи рублей. Да и прав у меня не было и ездил на мотоцикле хреновенько, но с другой стороны.... Поэтому и осторожничал.

– Да в прошлом году купил. Ты глянь, командир, я на нём за год проехал всего триста километров....

– А чего тогда продаёшь?

– Да вроде бы когда-то сначала очень хотел, в очередь стал. А пока стоял – вроде перехотел, а тут очередь подошла и пришлось купить. Думал, буду кататься туда-сюда.... А как оказалось, уже не особо и нужен... Вот гараже и стоял. Так иногда, как сейчас выезжаю....

– Сколько?

– В общем-то три тысячи надо бы запросить, но если берёшь – две с половиной...., – парень с надеждой смотрел на меня, а я заколебался от такой соблазнительной цены. И деньги были. А хозяин мотоцикла, уловив мои колебания, стал додавливать, – ты посмотри... Он практически новый, без царапин..., задняя скорость... Ну, ты сам видел, как нас пять здоровых мужиков он запросто на бугор затащил.... Хорошо, скидываю ещё двести...

Парень суетился, расхваливая механический агрегат, а я уже не хотел отказываться. Я желал иметь этот мотоцикл.

– Давай, садись и прокатись, и ты ощутишь, какая это машина на ходу, – парень вставил ключ зажигания, крутанул ручку газа и одним рывком педали завёл двигатель и газанул на нейтральной передаче.

Блин..., как хорошо и чисто работал движок, солидно постукивая и выкидывая сизые дымки. Я махнул рукой – Глуши... – и когда он его заглушил, предложил.

– Давай так поступим. Не будем вот так сгоряча принимать решение. У тебя телефон есть? Отлично. Завтра с утра в десять часов созвонимся и я тогда тебе скажу окончательное решение. Но предварительно – «Да». Но сам понимаешь, мне нужно и с женой обсудить....

На том мы и разошлись в разные стороны, а ещё через полчаса наша компания уехала в полк.

Поговорить вечером с женой насчёт мотоцикла не полу-

чилась. Валя пришла с работы сильно не в духе, громко и раздражённо гремела посудой на кухне и что-либо конструктивного в этом состоянии с ней решать было бессмысленно. А я уже был весь переполнен желанием купить самобеглую коляску.

Ровно в десять часов утра позвонил: – Покупаю...

Всё остальное произошло, как по мановению волшебной палочки и уже через три часа бывший хозяин слез с мотоцикла около 32 военного городка и всё-таки с лёгкой грустью в голосе сказал: – Ну..., всё капитан, владей... Удачи тебе.

Пока оформляли договор-купли продажи, пока мотались в ГАИ, где переоформляли мотоцикл на меня, потом к нам в городок, я смиренно сидел в коляске.

А сейчас, вылез из неё с видом уверенного и знающего человека, уселся в седло и даже к своему удивлению, также уверенно тронулся с места и поехал в сторону парка нашего полка, чтобы там поставить мотоцикл в свой бокс.

Удивлялся себе не зря. Потому что имел стаж вождения, правда всего лишь два с небольшим месяца и то год назад его приобрёл. При этом половину первого месяца ездил очень осторожно и напряжённо, а остальное время просто катался по пустынным, грунтовыми дорогам северного Урала, где ближайшее ГАИ было в пятидесяти километрах от нас и самих ГАИшников работало на территории района в половину Франции, аж целых три человека. Да и тренировался на старом, измученном жизнь ИЖаке, на котором особо не по-

гоняешь, а если уж заглохнет, то завести его было довольно проблематично. Что до сих пор являлось предметом весёлых воспоминаний.

После двух с половиной лет службы на Кубе мне был положен отпуск в пять месяцев и на два летних месяца мы уехали в Ныроб на север Пермской области. Средний брат жены Володя, старший лейтенант исправительной системы лагерей, катался на службу на новом и мощном мотоцикле «Урал», а мне выкатил из сарая старенький ИЖак.

Что-то там подкрутил, попутно объясняя мне, залил масла, бензин, подсосал топливо маленькой кнопочкой, подкачал колёса и сразу же, с первого тырчка, завёл его. Тот сначала оглушительно застрелял чёрным дымом, активно выбрасывая из выхлопной трубы всю грязь, которая там скопилась за долгие годы забвения в сарае, но уже через минуту ровно и приятно тарыхтел, пуская сизый дымок.

– Боря..., давай... На велосипеде ездил...? Значит и тут не упадёшь..., – Володя небрежно и без опаски передал мне руль и я смело и безрассудно уселся в седло. А по-другому и не мог сесть. Я тут уже всем протарыхтел под водку, что служил на Кубе в разведке.... И не абы простым разведчиком, а целым начальником разведки. А разведчик, априори, умеет всё и должен быть смелым, даже если не умеет и ссыт. Но я не ссал, а просто пока совсем не понимал, как можно простенько убиться на таком двухколёсном агрегате.

Переключился на первую скорость, как показал Володя

пару минут тому назад, дал сдуру газу до упора, отпустил рычаг сцепления и сразу же, мощным рывком, вырвался из рук Володи. Рёв, газ, ветер в харю и мимо со свистом в ушах. Я летел чётко прямо через большое и ровное поле в сторону недалёкого аэропорта, судорожно уцепившись в руль и без всяких мыслей, которые вместе с сизым выхлопным дымом и истошным рёвом двигателя, стлались сзади, не успевая за двухколёсным монстром, который так бесшабашно оседлал. И, слава богу, что они не успевали, а то сразу бы испугался, потерял контроль над машиной и на полном ходу упал на сухую стерню с непредсказуемыми последствиями. Поле ровным казалось, только когда просто стоял на нём, рядом с мотоциклом, но когда помчался, как Чапаев на коне в атаку... Боже мой, как меня трясло на всех неровностях, бывшими когда-то картофельными рядами и как не откусил себе язык, до сих пор не понятно. Правда, весь процесс езды запомнился смутно и лишь мгновенными стоп-кадрами. От последнего я очнулся и испугался ещё больше, чем до этого, внезапно увидев впереди и совсем близко полосу густого леса, за которым и был сам аэропорт. И стало вдруг пронзительно понятно, что через несколько секунд – тут будет узкая, но очень длинная просека. И родится новая местная яркая легенда про некоего безумного армейского военного, сотворивший данную просеку в несколько секунд. Только про судьбу этого вояки будут выражаться туманно – то ли его убило об первую ёлку, то ли он ещё живой пробил просеку

до конца и лишь потом умер. Или его нашли на самой верхушке, самой высокой сосны, висевшим головой вниз вместе с мотоциклом. Ну..., тут будет много вариантов моей смерти и всё будет зависеть от личности рассказчика и от количества принятого на грудь.

Вот тут-то и догнали меня с поля всякие умные мысли, которые подсказали, что надо наконец-то скинуть газ и как-то повернуть обратно в сторону дома. И это «как-то» было сделано мною очень коряво и неумело по самой опушке леса. Сам лес, конечно, при этом не пострадал, но вот на опушке вся молодая поросль была безжалостно истерзана и поломана, а я весь ободран донельзя. Но всё-таки сумел повернуть на 180 градусов и поехал уже на небольшой скорости, через поле, к обалдевшему от ужаса Володе, не чаявшего увидеть меня живым.

Но уже через минуту он облегчённо и радостно смеялся, смеялся взахлёб и всё пытался рассказать, как я мчался на мотике от него, а потом вихляя по всему полю возвращался от аэропорта.

Проржавшись, он наконец-то смог связно задать вопросы, но после каждого вопроса снова загибался от смеха: – Боря, ты хоть что-нибудь видел, когда как вихрь мчался через поле? Лес там, на горизонте, расти будет? А обратно, когда ехал....?

– Ты как рванул с места..., хорошо хоть я вовремя успел отцепить руки от мотоцикла, а так бы меня волочило по зем-

ле ещё метров пятьдесят.... Мчался ты через поле – как стрела и стадо коров, которое паслось там, разбегалось в ужасе в разные стороны. Но.., самое интересное, ты не сбил ни одну корову и не влетел ни в одно гавно. А вот обратно, ты ехал на маленькой скорости и тебя вихляло по всему полю и ты вляпался во все коровьи какашки, какие там были. Коровы, которые только немного успокоились, снова стали разбегаться от тебя...., – и опять он смеялся взахлёб.

Действительно, коров на обратном пути я помнил. Блядь...., они так и норовили, сволочи, попасть мне под колесо, и ещё помнил сочное чавканье гавна, когда въезжал в очередную круглую и жидкую какашку.

– Не...., Боря, давай лучше прицепим коляску и ездят ты на трёх колёсах....

С тремя колёсами и коляской дело освоения мотоциклетного пилотажа пошло лучше, но когда Володя увидел, как я завожу мотоцикл.... Вследствие того, что аккумулятор был слабенький, процедура заводки мотоцикла утром становилась увлекательным и азартно-опасным приключением. Облепленный детворой мотоцикл, на котором я гордо восседал, подкатывался к краю двора, заканчивающийся довольно крутым, правда, ровным травяным спуском. На краю обрывчика включал первую передачу и выжимал сцепление, после чего детвора с радостными криками сталкивали меня вниз. Длины спуска вполне хватало, чтобы разогнаться, отпустить сцепление, рывок в течение ещё двух-трёх метров и мото-

цикл заводился. Вся соль была в том, чтобы вовремя увернуться от мощной стены бревенчатого сарая, резко свернув влево. И так как дуракам и новичкам везёт, то я всегда успевал. Но вот это ВСЕГДА когда-нибудь должно было кончиться. Стене, конечно, ничего не будет, а вот моя безбашенная голова могла качественно вбиться в мою же задницу и очень глубоко.

Увидев всё это, Володя ужаснулся и достал аккумулятор посвежее, чем облегчил мне утреннюю заводку мотоцикла, но всё равно он иной раз клинил и завести его можно было только если разогнать на ровном участке дороги. Хотя..., где можно найти в таёжной глубинке ровный участок...?

Потренировавшись с недельку, стало понятно, что теперь смогу самостоятельно поехать и на более дальнее расстояние, чем крутится вокруг дома или рядом на стадионе. Я, жена и старший сын решили сгонять на здешнюю достопримечательность гору Ветлан. Слазить на гору, пофоткаться там, а на обратном пути немного пособирать ягоды и грибы. Дорога через Марушево..., потом по вершинам долгих холмов, через обильное разнотравье Ветланских полей. Через заброшенную деревню Ветлан с раскидистыми кедрами к одноимённому камню над рекой Колва высотой в 124 метра. Проехали вполне благополучно и без происшествий. Мы доехали, не убились, хотя раз двадцать предпосылки к этому были и достаточно серьёзные. Слава богу, что опыта у нас в этом не было и мы даже не поняли, как эти двадцать

раз были на волосок от смерти. Но.., всё-таки доехали, радостные и довольные. С огромным энтузиазмом и весёлым азартом, иной раз рискованно карабкаясь по узеньким каменным карнизам, забрались на вершину Ветлана и полюбовались открывшимся красивенным видом на бесконечные, густые уральские леса, расстилавшиеся зелёным ковром далеко внизу. Спустились вниз и там совершили все, какие положенные телодвижения, когда нырбчане или приезжие туристы попадали в это знаковое место. А потом поехали обратно. Но сейчас решили ехать не по верху холмов, а по нижней дороге через брошенную деревню Адамово на Бобыку. Благо там была на первый взгляд неплохая дорога. Вначале. Первые пятьсот метров. А потом, я уже из-за своего извечного упрямства решил ехать только вперёд, несмотря на то, что теперь дорога превратилась в некое подобие полигона для испытания машин амфибий, где вместо колёс нужны хорошие танковые гусьнки.

Поначалу мы веселились, мчавшись по дорожной синусоиде, где вершина-впадина равномерно чередовались – метров двадцать сухой участок и метров двадцать грязная глинистая лужа. В задорном кураже, на большой скорости прорывали эти лужи, даже не подозревая от неопытности, что можно запросто залить свечи и опять же от неопытности даже не понять – А чего он заглох? Потом бесконечно тыркать пусковой рычаг до полного разряда АКБ. Прятать в кустах мотик и переться пешком домой. Вот об этом не знали и ле-

тели бесшабашно через лужи, обильно поливая грязью, подступившие прямо к дороге, придорожные густые кусты, да и самих себя. Лихо пролетели безлюдное Адамово и после него лужи стали глубже и более качественнее. И теперь мы чуть ли не заныривали в обширные дорожные колдобины и также бурно оттуда выныривали. Сын веселился в люльке, жена весело повизгивала сзади меня, задирая ноги выше моих плеч при преодолении очередного грязевого болота, а я, сцепив зубы, мокрый чуть ли не по пояс, упрямо пёр вперёд. И в очередной длинной луже, прямо посередине, мы наконец-то заглохли. Мои продолжали веселиться, я же мрачно слез с ИЖака, сразу увязнув чуть ли не до колен. Попытался вытолкнуть, но один не смог, только увязнув в вязкой глине ещё больше.

– Валя, слезай. Поможешь толкануть....., – жена огляделась и, поняв, что я не шутил и действительно нужна помощь, спорхнула с заднего сиденья и пристроилась сзади коляски. Но не в луже как я, а сбоку и по краю колдоёбины.

На счёт: – И... Раззззз....., – мы дружно толкнули, на удивление легко стронули с места мотоцикл, отчего я чуть плашмя не рухнул в глубокую грязь, так как не успел выдернуть завязшие ноги. Пришлось остановиться, с трудом выдернуть ноги и, пока не увяз опять, по команде толкнуть и мы вытащили мотоцикл на сухой участок в десять метров дороги. Прикинули на глазок. ИИИиииии.... побежали вместе с мотоциклом. Честно говоря, и не надеялся, что мы его за-

ведём, но ИЖак в пол тыка послушно завёлся и тут пикантность была в том, что теперь его останавливать нельзя – иначе заглохнет. И заведётся он или нет в следующую попытку – ещё тот вопрос. И жене, в свою очередь, нужно шустро заскакивать на заднее сиденье на ходу. И жена об этом знала. Я первым и бодро заскочил на своё сиденье и, регулируя ход мотоцикла ручкой газа, ехал на малой скорости. Но для жены это была уже немалая скорость и она благополучно не успела заскочить и грянула задницей на дорогу.

– Давай..., догоняй..., быстрее..., – подгоняли мы с сыном жену с мотоцикла, желая, чтобы она успела заскочить на сиденье до лужи. Но жена опять не успела и снова завалилась на дорогу.

И смех и грех. Мы все трое смеялись над неудачными попытками, особенно когда с третьей попытки она оказалась своей симпатичной задницей прямо в луже. Благо на краю, где было мелко. Тут она закончила смеяться. Озлилась такой хорошей и спортивной злостью и ринулась догонять мотоцикл, огибая очередную здоровую лужу, которую мы благополучно форсировали. Догнав, она сумела ухватиться за ручку сиденья, но вот заскочить у неё не получалось – мешали зауженные джинсы, не давай качественно и высоко задирать ногу.

Мотоцикл не заглох и жена всё-таки и в конце концов, сумела заскочить на заднее сиденье, когда обессилев от смеха, я чуть было не сверзился в реку с деревянного моста без пе-

рил, даже не заметив, что мы заехали на оный. Остановившись за мостом на высоком бугре и тем самым обеспечив верную заводку двигателя, я заглушил мотоцикл и мы смеялись минут пять до упаду. Все трое и мотоцикл в том числе, были мокрые с ног до головы и в обильной грязи. В попытках заскочить на заднее сиденье, мы не заметили, как промчались по дороге целых два километра, форсировали около пятидесяти огромных и качественных луж, в каждой из которых мы могли запросто утонуть. При этом раз семь жена упала на дорогу и два раза в лужу. А я сорвал голос, словесно помогая ей заскочить на мотоцикл.

Вот примерно такой опыт был у меня год назад. Но он всё-таки был хоть и такой....

....Жена хандрила по непонятной причине и я дня два никак не мог ей сообщить о покупке мотоцикла, всё выжидая хорошего её настроения. Но такой момент не успел наступить и Валя узнала о мотоцикле от соседки, которая видела меня ехавшим на трёхколёсном агрегате.

Произошла очень бурная семейная ссора, в ходе которой в очередной раз услышал и так известные аргументы и негативные факты из своей жизни. Как-то: – ВСЕееееее мужики, как мужики, а ты купил мотоцикл..., выкинул деньги на ветер и на хрен он нам нужен. ВСЕЕЕЕЕЕ МУЖИКИ покупают машины, а ты купил непонятно что.... И никогда в жизни я не сяду в него, чтобы не позориться перед ВСЕМИ порядочными семьями....

Всеми этими несправедливыми упрёками я был доведён до состояния холодного бешенства, когда мозги отключились напрочь и в голове было только одно желание: – Ах так... Раз я такой бестолковый, а ВСЕ остальные мужики толковые.... И мотоцикл нахрен не нужен. Раз так.... То сейчас сяду на мотоцикл, разгонюсь и со всего маху об стену дома... И не будет у тебя такого бестолкового мужа и такой, хрен знает какой, покупки.... Дальше была только тёмная мгла перед глазами.... И ничего не помнил....

Очнулся во дворе дома, сидящем на заведённом мотоцикле и яростно крутившем ручку газа до отказа, от чего во внутри дворовом пространстве стоял оглушительный рёв. По психовав таким образом минут десять, немного пришёл в себя. Заглушил двигатель и бросил мотоцикл с ключами в замке зажигания и ушёл.

Заявился домой поздно вечером. Попил с ребятами пива, немного успокоился. Жена тоже, выкинув всю свою хандру в ссоре, пришла в хорошее настроение, но не лезла ко мне. Только спросила, когда ложились спать: – Что с мотоциклом?

– Что... что...? Ничего. Бросил я его во дворе и ключи там оставил. Раз он семье не нужен – пусть угоняет, кто хочет. Может другим пригодится....

На следующий день мы помирились, но на болезненную мотоциклетную тему разговор не заводили, понимая, что переругаемся снова. А мотоцикл, с ключами в замке благопо-

лучно и сиротливо простоял во дворе дней пять и никто его не угнал. Ну, надо ж...!?! Такие вот были ещё времена.

Так он и простоял до воскресенья. А на завтраке жена закинула удочку: – Так что? Раз купили мотоцикл – поехали куда-нибудь на водоём и отдохнём...

– Поехали, – мгновенно согласился, тем более что у самого уже «руки чесались» и хотелось куда-нибудь прокатиться. В принципе – И Куда? – Вопрос тоже не стоял. Решили мотануть на Волчихинское водохранилище километров за сорок, тем более что трасса Свердловск – Первоуральск была двухполосная в обе стороны, да и автомобильное движение тогда было совершенно не то, что сейчас. Не маловажным фактором была и неприкасаемость офицера со стороны ментов. Поэтому такая мелочь, как отсутствие водительских прав, тем более мотоциклетных вообще не бралось в расчёт. Одел форму и погнал. Ну..., даже если какой-нибудь ГАИшник и остановит. Ну..., и что? Достал удостоверение личности, показал и – «Честь имею!» – поехал дальше. Ни задерживать, ни выписывать штраф, ни изымать транспортное средство ГАИшник не имел права. Если, конечно, я уж не совершал бы чего-либо, что угрожало безопасности другим гражданам. А я и не собирался создавать угрозу. Только прокатиться с семьёй до водохранилища, отдохнуть и вернуться обратно.

Так оно и произошло. Офицер с семьёй на мотоцикле не привлёк внимания милиционеров ни на стационарном посту

при выезде со Свердловска, ни на трассе. Те лишь провожали нас сумрачными взглядами, прикидывая сколько денег проехало мимо них, если бы это мчалась гражданская семья без касок и тем более без прав.

Поездка, купание и отдых у воды, прошли отлично и понравилась семье и они с энтузиазмом стали строить планы на отдых на следующее воскресенье. А я, бессмысленно улыбаясь, сидел дома за кухонным столом, слушая их беззаботную болтовню и чувствуя, как у меня только сейчас начинают дрожать ноги, руки, а завтра всё это ещё будет болеть и ныть от сильнейшего напряжения, в том числе и спина, которую чуть было не сорвал. Также понимая, что сегодняшняя поездка для мотоцикла могла быть первой и последней.

Нет... Я не совершил ни каких-либо видимых ошибок на дороге – ни туда, ни обратно. Но..., свернув в светлый сосновый лес в сторону водохранилища, недолго поплутав по тихим лесным дорогам, мы неожиданно выехали к деревянной гати через большое и топкое болото, как раз по ширине мотоцикла. Проглядывалась она метров на пятьдесят, делая плавный поворот скрываясь за хилыми зарослями, и по идеи, именно за этим поворотом и должен быть возделенный берег водохранилища с уютным пляжиком.

Смело, а проще говоря безрассудно и, совершенно не думая о последствиях, съехал с небольшого солнечного косогора, без разведки въехав на, чуть притопившуюся под тяжестью мотоцикла гать, и смело пошуровав к повороту, даже

не подумав об вполне возможном встречном транспорте, с которым тут не разъехаться. Но завернув за поворот, тут же вспотел, увидев, как узкая, бревенчатая дорога долго тянется через уже качественную, зелёную и трясучую трясины, теряясь вдалеке среди высоких кустов. В довершении всего она стала ещё более опасно прогибаться под нашей тяжестью. От понимания того, что развернуться невозможно, а останавливаться тоже нельзя и ехать нужно только вперёд, я ещё больше вспотел и даже не успел испугаться. Дал с дуру газку и поехал вперёд в неизвестность, моля бога, чтобы никто не ехал навстречу и чтобы эта дурацкая гать не оборвалась в центре трясины.

Как её проехал и не свалился в трясины – помнил плохо. Опомнился лишь, когда эта дорога через болото закончилась и мы выехали именно на такой берег водохранилища, какой себе представляли в своих мечтах. Густо заросший невысокой сочно-зелёной травой чистенький берег, небольшой песчано-глинистый пляжик, ласковая и тёплая вода. Водный простор и море жаркого солнца. Дети с радостным писком мигмом поскидывали с себя одежду и сразу же бултыхнулись в воду. Через пару минут к ним присоединилась жена и у берега образовался маленький штормик из миллиона радужно сверкающих брызг, радостного и восторженного визга.

Мне тоже махали призывно руками, брызгали в мою сторону водой, но я лишь вяло улыбался в ответ и махал рукой, отходя от пережитого испуга и старательно гоня от себя саму

мысль об обратном пути.

Отдыхали мы там часа четыре. Я тоже веселился, булты-хался или беспечно лежал на одеяле, подставляя тело лучам солнца. Изо всех сил делал вид, что радуюсь вместе с ними, хотя внутри черепушки долбилась мысль – Как поедем назад? Как проехать по этой предательской гати?

Вот так проехать сюда и не свалиться в трясины – такое бывает только раз в жизни и у таких новичков, как я и то с испугу. Второго раза так не бывает. Просто и банально не сумею благополучно проехать эту гать...

Лежал, в обманчиво расслабленной позе, чтобы не пугать семью, а про себя лихорадочно прикидывал все варианты выхода из такого глупого положения. С самого начала старательно обошёл этот прелестный, небольшой уголок и убедился, что сюда ведёт только одна дорога – и именно предательски хлипкая гать. Был бы один. Даже особо и не заморачивался. Оставил мотоцикл, замаскировал его в кустиках, дошёл до трассы и на попутке вернулся в часть. А на следующий день, взял двух бойцов, приехали сюда и они меня просто толкнули через гать и страхуя, если свалюсь в трясины. Я за рулём, они сзади и потом бы поехали на мотоцикле спокойно в полк.

Даже прикинул и такой вариант, когда над нами, посвистывая винтами, низко пролетел военный вертолёт: – А если завтра договориться с вертолётчиками с Арамиля, заплатить им и вертолётком вытащить отсюда свою технику? – Но сразу

же с сожалением откинул и это. Всё-таки со мной была семья и я должен решить эту проблему сам и сейчас.

Балдѣж закончился и утомлённые активным отдыхом, мы стали не спеша собираться в обратную дорогу. Я уже смирился с тем, что утоплю мотоцикл, поэтому перед въездом на гать остановился и выключил двигатель. И с деланным спокойствием предложил: – Валя, давайте идите вперёд к началу гати и там стойте и не пускайте мне навстречу никого. А то ведь там нам не разъехаться....

Жена с детьми, оживлённо и беззаботно щебеча между собой, ушли вперёд и вскоре скрылись из виду. Ну, и хорошо. Хоть не увидят, как свалюсь в трясины и буду тонуть. Даже кричать не буду, чтобы их не напугать.

Первые сто метров проехал благополучно, ехал на малой скорости, еле удерживаясь в рамках гати и скоротечно удивляясь – Как я мог тут проехать на полном ходу? Гать ведь мокрая и брёвна скользкие – Вот как? Но пока ехал и вписывался, хотя иной раз сердце ухало или совсем переставало колотиться. Уже обрадовано думал, что вот так спокойно и проеду. Но, как это всегда бывает, в самом опасном месте, где трясины были именно того вида и качества, как в известном фильме «А Зори здесь тихие». Когда тонула одна из героинь.... Переднее колесо предательски заскользило к краю, а я машинально дал газку и мотоцикл, как раз самым тяжёлым боком – левым, разом слетел с гати. Правда, слетел удачно и попал обеими колёсами на поперечные брёвна

под гатью, слегка выступающие над вязкой, зелёной ряской. Только и успел облегчённо перевести дух, как под тяжестью остановившей машины, гать стала медленно проседать левой стороной и мотоцикл опасно заскользил в трясину. Мощный взбрызг в перепуганный организм мощной порции адреналина, заставил меня действовать на инстинктах. Стремительно соскочил с сиденья через коляску и метнулся к переднем колесу. Мощный рывок вверх и в сторону.... И переднее колесо надёжно встало на гать, но вот зад от нелепо перекосившегося мотоцикла только ускорил скольжение. Но меня уже было невозможно остановить. Молнией метнувшись в зад, как-то сразу попал ногами на поперечные брёвнышки.... Рывок..., превратившийся в мучительное поднимания спиной (как потом прочитал в инструкции – вес 300 кг) этих килограммов тяжести и, ощущая, как под такой тяжестью мои ноги вместе с брёвнышками тонут в трясине.... А я тянул..., тянул..., тянул всё выше и выше, одновременно опускаясь в трясину.... Ещё один мощный рывок вверх и, в падении вбок, вытолкнул заднее колесо и весь мотоцикл на гать. Всё, мотоцикл был на гати и теперь я сам тяжело и мучительно выдираю хромовые сапоги из трясины, помогая себе руками.

А выдравшись, вскочил на сиденье и.... Спокойно проехал оставшуюся часть гати и не утопил мотоцикл.

Утопил его через неделю. В следующее воскресенье поехали на Свердловский Учебный Центр. Покатались по лесу, погуляли, классно отдохнули, а на обратном пути заехали

немного помыть мотик на небольшой заболоченный водоём, удобно протянувшийся вдоль асфальта. Жена с старшим сыном слезли, а я стал разворачиваться, чтобы стать поудобнее и в воде, и на мелкоте. Но не рассчитал немного, только слез с сиденья и мотоцикл резво покатился в глубину водоёма. Только и успел подскочить и выдернуть младшего сына Генку из коляски. А мотоцикл прокатился по уклону берега в воде и остановился. Утонуть полностью не утонул, но даже мне, мотоциклетному чайнику, было понятно – завести его смогу только после практически полной разборки, продувки и просушки двигателя. А это около водоёма, да в течение пары часов не сделать. Втроём выкатили утопленника на бережок и во время моего печального рассматривания утопшего механизма мимо проезжал знакомый офицер на личной машине. Остановил его и посадил своих, а сам остался, чтобы пёхом утолкать мотоцикл. До толкал его до парка нашего полка часа через два, весь мокрый от пота и вымотанный донельзя. Дежурный по парку, толстый и мордастый майор Балашов, жизнерадостно заржал, открыв запасные ворота и увидев меня в тёмной от пота полевой форме.

– Боря, если хочешь трахаться ночью – женись. Если хочешь трахаться днём – купи мотоцикл. Хочешь трахаться и днём и ночью – купи фотоаппарат. – И снова залился громким смехом.

Через два дня спокойно перебрал в боксе своей противотанковой батареи двигатель, продул, просушил и следую-

ший месяц ездили с семьёй на природу без приключений. Сыновья и жена уже с нетерпением ждали каждое воскресенье, чтобы укатить куда-нибудь в новое место. И мы уже не представляли себе выходные без этих увлекательных поездок. Тут ещё прикупил неплохой железный гараж с подвальчиком, постепенно превращаясь в собственника и куда из квартиры перетащил весь ненужный хлам, который жалко было выкинуть и была надежда куда-нибудь всё-таки его пристроить.

В одно из прекрасных воскресений, мы с семьёй поехали на Учебный центр, где была масса грибных мест. Отлично провели время, набрали грибов. Довольные поездкой возвращались из леса через танковую директрису по танковой трассе. Глубокая колея была разбита вдрызг и мне приходилось резво лавировать среди куч вывернутых гусянками и засохших до каменной крепости глиняных глыб, переходя из одной глубокой колеи в другую, кренясь из стороны в сторону. В очередной раз, резко вильнув передним колесом, в последний момент увидел здоровенный серый булыжник, наполовину торчавший из глины на краю выбоины.

– Чёрт..., – только и успел выругаться, как под ногами негромко лязгнуло и я опасно глянул вниз, – блинннн...., – и было от чего.

Верхушкой булыжника начисто срезало педаль переключения скоростей. Нет бы ехать дальше на второй скорости и так потихоньку и доехали бы до гаража, но сдуру заглушил

двигатель и стал сокрушённо разглядывать остатки маленького железного пенёчка оси педали. И только сейчас понял глупость с заглушкой двигателя. Завести я то его заведу, но вот тронуться теперь с места могу только на задней передаче и то на асфальте. А тут в драбадан разбитая танковая трасса.

– Чёрт..., чёрт...

Переживал и прикидывал, что делать дальше недолго, увидев со стороны леса обильно пыливший в нашу сторону танк. Что он делал в воскресенье, под вечер в поле меня не интересовало и быстро договорился с лейтенантом, остановив танк. Достал длинную верёвку из багажника и мигом связал мотоцикл с танком. После чего залез на мотоцикл и разрешающе махнул рукой и тут же пожалел, что не проговорил с лейтенантом детали буксировки, в частности скорость буксировки. Но было поздно, танк громко заревел, резко дёрнул с места и мы вскачь понеслись по разбитой на смерть танковой трассе. Танк летел, как по асфальту, лейтенант на башне целеустремлённо смотрел вперёд, совершенно не интересуясь, как там поживает негаданный прицеп с людьми. А наш мотоцикл и нас всех седоков, мотало на нём, как в хороший шторм. Жена еле держалась на заднем сиденье, с ужасом глядя на детей в коляске, которых чуть ли не выкидывало из люльки на каждой танковой ухабине и при каждом манёвре и их спасала только мёртвая хватка рук за железные поручни. Я же помимо того, что сам еле держался ещё и рулил, делая всё, только бы мотоцикл не перевернул-

ся. Нас бы с женой просто скинуло и сильно побились, а вот детей с их мёртвой хваткой накрыло бы коляской и размазало в твёрдой колее с острыми зазубринами краёв. А лейтенант продолжал беспечно торчать в люке башни и хоть бы оглянулся назад скотина....

Когда мы всё-таки живые выехали на асфальт перед будкой руководства, мы даже с женой не поверили – что все остались целы, а не валялись вдоль танковой трассы растерзанными куклами.

– Ну что, товарищ капитан – нормально или дальше тащить? – Обернувшись, крикнул мне танкист.

– Да пошёл ты на фуй...., – дальше, зло и сочно выматерился, ещё добавил несколько имён существительных в адрес молодого офицера, которых не встретишь в литературе.

На лице танкового офицера появилось вопросительное выражение, разбавленное изрядной долей недоумения.

– А что за проблемы? – Лейтенант ловко выскочил из люка и через мгновение оказался рядом с нами и заломил вопросительно бровь, – Что за ерунда?

– Ёп... понский городской... Лейтенант, ты хоть бы раз оглянулся назад... Ты погляди..., мои до сих пор напуганные сидят. Ты же, как попёр, как будто сзади тоже танк тянешь, а ты знаешь сука.... Чего мне стоило удержать мотоцикл от переворачивания? – Я распалился в гневе, увидев, как дети продолжали судорожно цепляться за поручень люльки и наверно бы и заехал лейтенанту. Но тут очнулась жена и схва-

тила меня за руку, несколькими поглаживаниями по руке, быстро успокоила. Лейтенант сконфужено и виновато почесал затылок и я ткнул пальцем в сторону танка.

– Иди, отцепляй на хрен. И следующий раз думай башкой....

Лейтенант с готовностью засуетился и уже через полминуты протянул мне верёвку. Потом с видимым облегчением запрыгнул на танк, тот мощно взрыкнул, выбросив здоровенный клуб солярного дыма, и быстренько уехал в сторону полевого парка.

Мы как раз вовремя выкатили мотоцикл к повороту дороги, как к нам подъехала легковая машина, где сидела пожилая пара. Почти сразу договорился, жена с младшим сыном сели в машину и уехали в сторону города, а мы покатили со старшим сыном мотоцикл. Правда, катили недолго, так как меня посетила «гениальная» идея. Если из-за отсутствия рычага переключения скоростей я не могу включить первую скорость, то что мне мешает включить заднюю скорость и на ней ехать. Ну и что, что придётся ехать семь километров задом наперёд.... Но это ведь всё равно ехать, а не катить мотоцикл, как месяц назад. Зато через полчаса будем в парке. Так здраво рассудил, с сыном развернули мотоцикл задом вперёд. Завёл его.

– Денис, в люльку..., – и мы понеслись. Эту поездку мы всей семьёй вспоминаем до сих пор, хотя прошло уже больше тридцати лет. Вспоминаем, смеёмся, опять вспоминаем,

но уже некие юморные детали происшедшего и снова смеёмся, не останавливаясь.

Уже первые десятки метров езды таким образом выявили следующие моменты, которые даже не могли представить.

Первый: Если я за этот месяц получил достаточно твёрдые навыки нормального вождения мотоцикла, то вот движение задним ходом – это был мой первый опыт, которым нужно овладеть вот прямо сейчас и на ходу.

Второй: Громко ревуший двигатель, незначительная скорость, отсутствие опыта и поездка явно не уложится в полчаса.... А вполне возможно и вообще не доедем, попав под колёса встречной машины или улетев куда-нибудь с дороги.

Третье: Шея, вывернутая под максимальным углом назад, немела буквально через полминуты.

Но, тем не менее, мы с азартом продолжили свой путь. На протяжении первых пятидесяти метров, из-за того что я никак на ходу не мог определиться, глядя наоборот за спину, с такими понятиями как «Лево» или «Право», нас раз семь хорошо мотануло от одной обочине к другой, чудом не завалив в глубокий кюветы.

Остановились, быстро обменялись мнениями и теперь сын, повернувшись назад и, облокотившись на запасное колесо, стал моим рулевым.

Но на следующих ста метрах этот приём не сработал, а только усугубил наше положение и если на тех пятидесяти метрах мы всё-таки удержались в рамках дорожного полот-

на, то теперь мы опять восемь раз опасно вильнули на асфальте, один раз чуть не перевернувшись при резком манёвре практически на ровном месте. И, в конце концов, всё-таки улетели в кювет, но слава богу не перевернулись и не покалечились. Мы просто с сыном не проговорили что такое «Право» для него, а что такое «Право» для меня. И получилось, когда он мне кричал: – Папа..., вправо... правее.., да правее я тебе говорю...., – дудудух.... И мы с грохотом и отчаянным воплем улетели в кювет.

– Блядь..., – слез с мотоцикла и зло пнул в колесо, хотя оно было ни причём, как и сам мотоцикл. Сын кричал «Вправо» и я на автомате доворачивал вправо, хотя для меня это было «Влево» и чем более отчаянно сын кричал – «Вправо.... Вправо...» – я сильнее заворачивал именно в ту сторону, куда не надо было.

Учтя этот «бесценный» опыт, мы с большим трудом вытащили из кювета мотоцикл и поехали дальше. И чем дальше мы ехали, тем лучше у нас это получалось. Наконец-то наладилось с сыном нормальное взаимодействие, хотя периодически деревенела шея, но опасно рыскать по всей ширине дороги мы стали гораздо меньше. А тут выскочили за границы учебного центра, проехали мимо водоёма, где месяц назад утопил мотоцикл. Миновали высоковольтную линию и всё ещё не попали под колёса встречных военных грузовиков, не разбились и не перевернулись в кювете, и не повреждённая высоковольтная линия продолжала, громко гудя, гнать де-

сятки тысяч киловатт тока на промышленные предприятия города. За пять минут преодолели поля перед окраиной совхоза «Свердловский» и с оглушительным рёвом раскалённого двигателя ворвались на улицы совхоза, где народ останавливался, разинув рот в изумлении и провожая нас такими же взглядами. Наверняка, не в одной голове промелькнули мысли о безумных и пьяных военных. Такие же мысли наверняка были и у водителей встречных грузовых машин и автобусов, коих на улицах стало гораздо больше, по мере углубления нас в город, и они с возмущённым рёвом сигналов, с трудом уворачивались от мчавшегося таким необычным образом мотоцикла. До полка оставалось уже метров пятьсот, когда на улице меня догнал такой же мотоцикл «Урал», только зелёного покоцанного цвета и оттуда седок мотоцикла отчаянно замахал мне рукой, предлагая остановиться. Да и время пришло остановиться, шея задеревенела и надо было дать ей роздыху.

Остановился, рядом приткнулся и зелёный мотоцикл. Мотоциклист, жилистый мужик уже в возрасте, внимательно посмотрел на меня и озадаченно хмыкнул.

– Слушай, командир. Я живу там..., на окраине совхоза, как раз у дороги на ваш учебный центр. И видел, как ты оттуда выехал и ехал задом наперёд по дороге через поле. Я сначала подумал, что ты пьяный, но когда проезжал мимо, смотрю – нет вроде бы. Но в тоже время ты ехал очень целеустремлённо таким образом. Вот, вскочил на свой мотоцикл

и решил догнать. И сейчас вижу – трезвый. Чего хоть случилось?

Я устало махнул рукой и стал мять шею, одновременно кивая головой на мотоцикл: – Да ты что? Какой пьяный? Я ведь с сыном...

– Во..., во..., и я думаю – он же с ребёнком. Не должен быть пьяным..., – кинул реплику мужик, а я продолжил.

– Да в поле камнем срезало педаль переключения скоростей, вот и пришлось ехать задом. Всё быстрее, чем толкать.

– Хм..., точно. А чего ты на второй скорости не поехал? – Мужик, уже присевший у моего мотоцикла на корточках, повернулся ко мне.

– Как я её включу? Я ж тебе говорю, что педаль скоростей у меня срезало. Вон только железный пенёчек и остался. – Слегка повышенным тоном стал растолковывать, удивляясь бестолковости мужика.

– Так у тебя вон там, отдельно включается вторая скорость. Вон и штырь торчит, правда, самой рукоятки нету... Вот смотри сам, – мужик выпрямился и, перегнувшись через мотоцикл, пальцем ткнул на действительно торчавший из двигателя рифлёный железный палец, – у тебя пассатижи есть?

– Есть..., – у меня даже лицо вытянулось в удивлении. Этот укороченный палец я видел, но даже не задумывался для чего он. А тут мужик выжал сцепление и, сильно зажав пассатижами штырь, явно и громко им щёлкнул, чуть сдви-

нув его. – Всё теперь заводи и езжай себе спокойно и нормально.

– Да ну..., – я, не веря такому лёгкому решению, выжал сцепление и ногой резко дёрнул рычагом пуска и мотоцикл послушно ровно и успокаивающе застучал двигателем.

Но всё равно не верил, что вот так легко сейчас сяду и поеду – поеду по нормальному, а мужик даже засмеялся и весело предложил: – Да ты, командир, садись и езжай. Даже не беспокойся.

Сын сидел в люльке, я тоже сел и плавно отпустил сцепление и мотоцикл послушно покотил вперёд. Мне только и оставалось вывернуть голову назад и прокричать слова благодарности моему спасителю. А когда мы проскочили переезд у арт. полка и поехали вдоль заборов парка, мы с сыном переглянулись и засмеялись во весь голос. Через десять минут остановились у гаража, закатали мотоцикл и пошли домой

На следующий день и последующую неделю, ворочать шей я не мог. Да и вообще, чтобы даже взглядом проводить красивую, молодую женщину, должен был поворачиваться всем телом и точно также неуклюже топоча ногами на месте, возвращаться к прежнему направлению движения.

Замена рычага переключения скоростей оказалось и не таким уж сложным делом. Купил нужную деталь, разобрал и тут же собрал коробку передач и мотоцикл забегал точно также, как и до поломки. А выезды на природу по выходным

дням и свободными вечерами с семьёй возобновились, благо погода позволяла и в этом году выдался хороший грибной урожай.

Но это приключение было лишь очередным и с регулярной периодичностью я влетал в очередную «шляпу», но слава Богу всегда учился на своих и чужих ошибках.

Как-то раз понесло меня на Южную подстанцию. Лихо прыгнул на мотоцикл, выехал из ворот 32го военного городка и окольными дорогами через цыганский посёлок выехал на Новосибирскую улицу. Свернул направо на светофоре, а ещё через километр повернул налево на Окружную, где на всё протяжении улицы по правой стороне тянулась сплошная промышленная зона. И как там при строительстве этой зоны проектировали коммуникации – непонятно, но всё дорожное полотно улицы Окружная было густо усеяна люками, заставляя автомобилистов увлечённо лавировать между ними на средней скорости в 30-40 километров в час. Но если ты превышаешь эту скорость, да ещё в тёмное время суток с жидким светом редких уличных фонарей – езда превращалась в «русскую рулетку», оттого что до тридцати процентов металлических люков напрочь отсутствовало. Их, конечно, восстанавливали после кражи бомжами, но проходило это в течении нескольких дней, за которое появлялись на дороге новые дыры.

Вот меня и вынесло на этот дорожный слалом. Первые пять весёленьких дырок обогнул залихватски и по-гусарски,

с лёгким взвизгом резины, чувствуя спиной заинтересованные взгляды симпатичных пассажирок легковой машины. Следом шли разбросанные по дорожному полотну сразу три дырки друг за дружкой и на близком расстоянии. От шестой вовремя увернулся, седьмую проскочил с лёгким матерком и буквально по зияющему темнотой краю. А вот восьмая... Тут мотоцикл передним колесом влетел по хорде в дыру. Мощный удар и по идее я должен был перелететь через руль, но спасла лобовуха из толстого оргстекла и, отправившись в полёт, меня отрикошетило обратно на сидушку. Не знаю..., может это остановило мотоцикл на переворачивание через переднее колесо, но колесо уже вылетело по инерции из люка, подкинув меня уже вверх. От очередного улёта спасли руки, намертво уцепившиеся в руль. Пока я делал стойку на руле, правая рука предательски дрогнула, прибавив газу. Мотоцикл мощным рывком рванул через открытый люк, и приземлился мимо сиденья обеими ногами на асфальт, не выпуская из рук руль. Ну ладно бы приземлился и не упал на твёрдую поверхность, но мотоцикл летел со скоростью 40 км в час и я был вынужден с такой же скоростью перебирать ногами, мчавшись по улице вместе с мотоциклом, с дикой скоростью перебирая ногами. Через десять метров бешеной гонки я удачно подпрыгнул и ловко приземлился на сиденье, но мотоцикл к этому времени ушёл с прямой траектории. А вернее, я потерял контроль над управлением и трёх колёсная машинка вылетела на тротуар, качественно давя декоратив-

на опыте других и всегда сами стараемся наступить на свои собственные грабли. Так у меня, совсем ненавязчиво и незаметно, появился опыт вождения в пьяном виде. Сначала под лёгким шафе, потом влетел пьяным командиру полка, что было воспринято в полку с юмором. А последний случай.... Слава богу, он закончился для меня благополучно и я раз и навсегда вбил себе в голову правило – За рулём Ни..., Ни.... Которому следую до сих.

Всё началось как всегда с пустячка, типа: – Боря, ты ж на мотоцикле. Сгоняй за водочкой...

Сгонял, потом немного выпил со всеми. За второй партией уже поехали втроём. Опять выпили и уже гораздо крепче. Потом ещё и когда все плохо соображали, хотя нам самим казалось, что у нас всё нормально, спонтанно вспомнили что в гаражах за 276-м полком, командир полкового дивизиона Феодорович с кем-то там квасит, решили приехать и присоединиться. Юрка Штупун и Серёга Бондаренко совершенно без проблем влезли в люльку, даже непонятно как они, два здоровых и упитанных мужика, там поместились. Витька Хилько пристроился на заднем сиденье И мы погнались.... В гаражи...

Дальше уже ничего не помнил.... Даже как ехали в гаражи.

Очнулся уже утром, дома на диване с оглушительным сушняком и таким же страшным будущищем внутри организма. Я сидел на диване и изредка, слегка потрясывая го-

ловой, пытался вспомнить, как закончился вчерашний день. Но судя по суровому виду лица жены – вчера он закончился качественно. Для меня. А для неё только начинался увлекательный этап «разбора полётов и конкретно моей личности».

Пришлось самому перейти в наступление, чтобы сразу же пресечь даже самую попытку начала разборок.

– Валя, давай без подробностей и оценок моей личности. Я и сам понимаю, что капитально не прав и мне сейчас очень, очень херово....

Жена остановилась передо мной, тяжело вздохнула и спросила: – Хорошо. Только ты мне скажи – Где мотоцикл? Ты же вчера заявился домой пьянувший «в дымину»...

– Где.., где...? Где ж ему быть, как не в гараже... В гараж я его поставил. – Этого, конечно, не помнил, но надо ж как-то парировать.

– Боря..., Боря..., – теперь у неё в голосе появилась усталая горечь и пока ещё только лёгкая тень возмущения, – Ты что совсем что ли сбрендил? Какой гараж? Там же у тебя во весь гараж одна, огромная яма...

Пффффф..., пффффф..., точно. Блин. Я ж затеял ремонт гаражного подвала и всё там расковырял. Я просто не мог туда поставить мотоцикл, не свалившись в яму, глубиной почти два с половиной метра. Мгновенно протестировав организм и, не ощущая даже тупой остаточной боли от вполне предполагаемого падения, не совсем уверенно буркнул.

– А что такого? Взял да поставил боком и с силой закрыл

ворота. – Жена печально посмотрела на меня как на тяжело больного, безнадёжно вздохнула и ушла на кухню, а я наскоро приведя себя в порядок, быстро смылся из дома. Идти на службу, пока не разобрался с мотоциклом, вернее с его местонахождением, не захотел. Но сначала скоренько подправил здоровье двумя бутылками ледяного пива у железных киосков за городком, воочию ощутив, как тонус и состояние организма явно поднялся вверх на несколько пунктов.

Теперь можно было приступить к прочёсыванию городка. Явно он где-то стоит, сиротливо приткнувшись к какому-нибудь дому или забору брошенный своим беспутным хозяином. Но обойдя все улицы и многочисленные закоулки городка в течение часа, мотоцикл не обнаружился. А выпив задумчиво ещё бутылочку холодненького пивка, которое с готовностью прореагировало со всеми алкогольными дрожжами, вчерашними и сегодняшними, а также обострило память и я вспомнил. Мы же поехали в гаражи и наверняка там и остался мотоцикл. В гаражах, у Феодоровича, квашенье по-моему и не прекращалось, только перейдя в несколько иное качество, и встретили меня заботливо. Бондаренко тут же сунул в руку стакан с водкой, Юрка Штупун сварганил не хилый бутерброд с салом, а Витька Хилько наготове держал приличную ёмкость холодного пива, с сочувствующим видом. Но..., я мужественно отодвинул руку с водкой и надолго припал к алюминиевому жбану с пивом. С удовлетворённым чувством выдохнул, после чего стал внимать всему

тому, что вчера начудил или – что произошло с моим активным участием. Я только болезненно морщился от чересчур сильных моментов, давая в душе смертельную клятву – За рулём НИКОГДА и НИ ЗА ЧТО.

В кратком пересказе это выглядело так. Оказывается, в гараже у подполковника Феодорович, куда мы собрались, проходило обмывание отпуска его друга. Тот проставлялся за отпуск и на следующей день вместе с женой должны были лететь в санаторий в Сочи. Тут же присутствовала и жена друга – мощная по фактуре и весу женщина, принимавшая ещё более активнее чем её муж, живейшее участие в обмытии....

Дальше рассказывал Феодорович: – ...И в самый разгар всего этого мероприятия, подъезжаешь ты на мотоцикле и орёшь – Здорово, мужики, а вот и мы приехали....

Самое интересное, что ты был один и вот это загадочное «Мы приехали...» – сильно нас настораживало. Мы даже на дороге выскочили и посмотрели – не валяются ли на дороге вот эти таинственные «Мы». Но там никого не было, вернулись и спросили – А кто это «Мы», если ты один приехал?

– Как кто «Мы»? Вот с ними, – Я прервал рассказ Феодоровича и показал на капитанов Штупун, Бондаренко и Хилько.

Друзья весело и дружно рассмеялись: – Да мы как сели, так сразу и вылезли, а ты поехал... Отсмеявшись, Феодорович продолжил: – Вот и ты тоже утверждал потом, что ты ехал и по дороге разговаривал с ними и ещё, разговаривая,

пытался перекричать рёв двигателя. А они пришли сюда уже после того, как ты уехал...

– ...И вот в самый разгар веселья, жена друга активно возжелала научиться ездить на мотоцикле. Причём, немедленно и прямо сейчас. Но ты со свойственной тебе прямо-той, тем более под шафе, отказал, смело и безапелляционно заявив – «Что женщина за рулём, что обезьяна с гранатой в руке». Чем кровно обидел её и её мужа. И всё бы закончилось банальной дракой, но всё-таки разошлись миром и в качестве извинения, тебе пришлось усадить толстую тётку на седло мотоцикла. Показать ей всё, рассказать – Где, Что и Как? Ну..., а дальше, Боря, произошло то, что и должно было произойти. Та с дуру врубает первую скорость, газ до упора и отпускает сцепление. Хорошо тут до стены гаража немного было и она скорость не совсем успела набрать. Но всё равно, она со всего размаху врезалась в стену. Конечно, разбилась и с переломом ноги и разбитой головой её увезли в 24-ю больницу. Так что санаторий у них накрылся...

– Да ну.... Не звиздите...., – отшатнулся я от товарищей и от такого печального финала рассказа и даже затряс головой, чтобы вытрясти оттуда другой финал – Женщина и её муж, довольные от удачной учёбы, простили меня и всё закончилось хорошо. Но в мозгах стояла непроницаемая шторка, а по скорбным лицам сослуживцев не мог определить – то ли это произошло на самом деле, то ли меня разыгрывают.

Феодорович, с лёгкой долей возмущения, сгримасничал

лицом и развёл руками: – Ну..., если нам не веришь.... То вон как раз и её муж идёт, который в это время должен лететь в самолёте....

Отпускник был в явной печали, что придавало яркому рассказу товарищей твёрдую правдивость. Уныло поздоровался со всеми, в том числе и со мной. Тут же выдул протянутый стакан водки и на немой вопрос: – Нууууу...? – Удручённо махнул рукой.

– Накрылся медным тазом санаторий. Разбита голова, сотрясение мозгов... Хорошо хоть от удара об стену не лопнула. Левая нога в двух местах сломана и одно ребро. Вот и обмыли... Блин. Она говорит – езжай один в санаторий.... Да что я там один буду делать, если она месяц в больнице будет лежать..., – он тут же навернул вторую порцию водки, а я, уловив паузу, несмело и сбивчиво стал оправдываться.

– Да ладно тебе..., – оборвал голосом, полным безнадёги, меня отпускник, – сами виноваты. Надо было мне прикрикнуть на неё... Так что, Боря, не бери в голову. Мы ж тебе мотоцикл разбили...

Я даже крякнул – Вот блин, до чего водка доводит. Бабу покалечили, мотоцикл разбили и я неуверенно пискнул: – А где всё-таки мой мотоцикл? Или что там от него осталось?

– Так ты на нём и уехал, – ответили на мой вопрос сослуживцы, – вот после всего этого сел и уехал... Сказал, что теперь тебе надо домой....

– Так его разбили...

– Да там только лобовое стекло треснуло, когда на него всем телом его жена налетела. Ничего, ты там дырочки за- сверлишь в нём и проволокой затянешь трещину...., – успо- коили товарищи, после чего я понуро побрёл искать разби- тый мотоцикл. Правда, осталось только одно место и это был гараж. Вернее, скопище железных гаражей в пару длинных гаражных улиц, протянувшееся между серыми, унылыми пя- тиэтажками и стройбатом. Но и тут меня ожидал облом. Хо- тя я надеялся, что где-нибудь стоит он...., одиноко приткнув- шись фарой либо в дерево, либо в металлический бок чье- го-нибудь ржавого гаража. Ни фига – нету мотика. остано- вился у своего гаража и чисто машинально открыл амбар- ные замки. Распахнул полотнища ворот. И то, что увидел, превратило меня на одну минуту в соляной столб. Потом оч- нулся и витиевато, с хорошей долей восторга, радости от на- ходки и недоумения выругался и снова замер, не зная, что предпринять в этом случаи, потому что тут нужны были фи- лигранные действия. Но это в недалёком будущем, а сейчас, с весёлым и бесшабашным чувством, переполнявшим меня, смотрел и с удивлением размышлял: – Как я мог это совер- шить? И где я, пьяный, нашёл эти доски....?

Удивляться было чему. Во весь гараж была вырыта огром- ная и глубокая яма под будущий погреб. И вот через всю яму было брошено две новенькие доски, толщиной в пятьдесят миллиметров, а на них, опасно прогнувшихся, по-моему да- же слегка потрескивающих от тяжести, стоял мотоцикл. От-

чего возникал законный вопрос – Вот как? Как всё это соорудил, заехал, слез и не упал в яму...? И всё это в коматозном состоянии. Причём, впечатление было следующее и очень стойкое – сейчас залетит бабочка, сядет на мотоцикл и он, к собачьим чертям, с оглушительным треском досок, провалится в яму.

Всё последующее я сделал за два часа. Самый маленький и лёгкий танкист полка, осторожно пробрался и сел за руль мотоцикла, а остальные на верёвках вытащили его из гаража. После чего ещё раз дал себе Клятву – Никогда за рулём не выпивать.

Остальную часть лета и осень прошли без происшествий. А когда упал снег, мотоцикл до весны был поставлен на хранение в гараж. Правда, через месяц пришлось ещё раз им воспользоваться в результате чего, потом всю зиму вздрагивал от страха расплаты за происшедшее.

Решили мы с женой на ноябрьские праздники посолить капусту, пару мешков которой лежало до сей поры в новом погребе. И чего буду два раза ходить туда-сюда, таская мешки, когда у меня есть мотоцикл – так самоуверенно решил, совершенно не учитывая изменившиеся климатические условия с летних на зимние. Да и соскучился за пару месяцев по мотоциклу. Сейчас закину в люльку капусту и через пять минут привезу домой. Так и сделал. Лёгкий морозец, градусов в десять, чистые и накатанные снеговые дороги, яркое и уже практически зимнее солнышко, приятная

поездка по морозцу на мотоцикле до подъезда. Быстро разгрузился и с удовольствием поехал обратно в гараж. Пока не спеша ехал вдоль нашего самого длинного дома в городке, всё было нормально, но в конце дома, дорога поворачивала на 90 градусов и в горочку. А у меня ещё не было опыта вождения в зимних условиях и я, особо не мудрствуя, крутанул ручку газа и прибавил скорость, чтобы лихо взлететь на горочку и на крутом повороте резко завернул руль. Но мотоцикл, как нёсся вперёд – так и продолжал мчаться, не меняя направления. Резина на колёсах то была летняя. Судорожно сделал ещё одну попытку свернуть куда надо и ещё больше завернул руль, судорожно помогая ногой всё-таки повернуть, но всё было бесполезно. Ну..., в конце концов налетел бы на бордюр, а там немного в горочку и остановился бы. Но весь ужас был в том, что я летел на новенькие, сверкающий снежной белизной «Жигули».

БАММММмммммм..... Передним колесом несколько под углом воткнулся в заднюю дверь. Отчего мотоцикл крутануло и уже люлькой проехался по обеим дверцам – с грозным Баммммммммщц, оставляя безобразную вмятину по всему белоснежному борту с хорошей чернотой резины. И это – БАММММммммммщц – хорошим эхом, отразившимся от трёх пятиэтажных домов, обрушилось на мою испуганную фигуру и явственно показалось, что все жители нашего большого двора чуть ли не по пояс высунулись из всех окон и обличающее ткнули пальцами в мою сторону. Но от удара

меня теперь развернуло в нужную сторону, а от испуга ещё больше дал газу, в результате чего в конце вмятины появилась приличная рваная дыра и моя жизнь от нервного потрясения сразу укоротилась лет на десять.

Как доехал и ставил в гараж мотоцикл, помнил плохо, но вот долгая дорога обратно запомнилась хорошо от лихорадочных размышлений, вихрем крутившимся в голове – Что делать и как избежать или минимизировать разборки? Особенно наиболее крутой градус в самом начале разборок, когда тебе в рожу сразу суют кулаком. А также пытался вспомнить – Кто на этой новенькой «Жиге» ездил? Если вспомню, то вполне возможно можно будет выстроить некую линию поведения и защиты. Вот в таких увлекательно-психологических размышлениях и в выстраивании версий и вариантов предстоящих разборок и прошёл весь мой путь к дому. Но надежда разругать ситуацию достаточно мирным путём рухнула мигом, как только я услышал отчаянный вопль, ещё не завернув за угол дома. Там кричали, кричали с многообещающей, мстительной злобой в голосе, от чего у меня зачесались самые чувствительные места моего организма – нос, челюсть, оба уха, естественно и ниже тоже, отчего яйца сжались и испуганно спрятались в мошонку. Я по природе не ссыкун... И дрался, если приходилось. Дрался, даже если против тебя выходил шкаф или несколько шкафов. Но... Тут всё-таки чувствовал себя виноватым и это капитально связывало мне руки и выбивало всякую почву из-под ног.

Надежда пропала ещё и от того, что я узнал этот многообещающий голос. Это был офицер соседнего полка, кандидат в мастера спорта по боксу и офигенный любитель сначала помахать кулаками, а потом уже подумать – А стоило ли? Потому что с выдержкой у него были явные проблемы. Скорее всего, это касалось особенностей его психологии. Он был ярким холериком.

Я даже остановился за углом – не зная, что делать? Драться с ним было совершенно бессмысленно, конструктивно разговаривать и обсуждать в этот момент что-либо, это всё равно что олигофрену рассказывать о строении галактики. Тут мне сразу заедут в «дыню», только я открою рот...

– ... Я убью его...., – концовка кровожадного монолога пострадавшего совсем мне не понравилась и как-то сразу пришло понимание – что жизнь придётся заканчивать ярко и красиво. Одним ударом в чайник и яркой вспышкой. Наверно, даже боль не успею почувствовать, как уйду в аут, а там меня пинать – всё равно что пинать бревно.

Приняв наконец-то хотя бы и такое самоубийственное решение, глубоко вздохнул и вышел из-за угла. При иных обстоятельствах я бы со здоровым любопытством наблюдал за происходящим со стороны, набираясь опыта чужих ошибок. Но сейчас шёл как на эшафот, на деревянных ногах, медленно приближаясь к месту действия. А там, вокруг и около покалеченной «Жиги» роилась и толклась небольшая толпа сочувствующих и праздно любопытствующих, ожидающих бо-

лее интересных событий, чем горестно вопящий хозяин машины, жаждущий крови. Я приближался, ожидая, как все дружно обернуться в мою сторону и одновременно, обличающе ткнут в меня пальцем, и также хором крикнут: – Коля..., это он..., это он испоганил твою машину..., – а там, главное, чтоб с одного удара...

Но никто не показывал на меня пальцем, равнодушно мазнув взглядом, а вот Коля, сразу переключился на меня, как на новенького и свеженького свидетеля: – А ты видел...? Видел...??? Кто это сделал? Видел...? Убьююю.... – И чуть ли не за грудки затряс меня.

Сама постановка вопроса слегка обрадовала меня, возродив хлипкую надежду остаться живым, целым и главное инкогнито. Поняв – что я ничего и никого не видел и, не дождавшись от меня этого утвердительного ответа, Коля отпустил меня и опять горестно завыл, откуда мы живописно узнали, что «Жига» куплена пару недель тому назад и уже напрочь разбита, осквернена. И как теперь на ней, «помеченной неудачей» ездить? Ведь теперь в неё, «помеченную», все будут въезжать...

Несмотря на свои личные страхи и переживания, я был даже несколько удивлён таким чересчур высоким, по моему мнению, накалом экспрессии горя. Ну..., помята одна дверца, ну..., во второй безобразная и рваная дыра... Небольшая... Ну..., чего так убиваться? Неприятно, понимаю... Ну, ты же офицер!!! Ты же мужик!!! Ты чего, как последний

нервный шпак в истерику впадаешь? Ну, поорал... , погрозился... Успокоился и разбирайся – Кто и почему? И сколько теперь тот должен? Надо, дверцы обе поменяю...

Но Коля продолжал истерить, а к нам подходили всё новые и новые любопытствующие. Каждый считал свои долгом обязательно провести пальцем по вмятине на одной дверце и по окружности безобразной дыры на другой. Один даже сильно порезал палец на остром крае железа, обильно забрызгав кровью дверцу и снег под ней. Через десять минут, вновь пришедший авторитетно заявил, что это кровь наверняка виновника и надо взять её на экспертизу, чтобы потом тот не открутился. Кто-то даже сунул Коле грязный полиэтиленовый пакет, куда совсем потерявший голову хозяин автомобиля стал судорожно сгребать снег с кровью. После чего засунул пакет в карман. А через пять минут, вновь вопль, когда он достал пакет из кармана, где снег растаял и через дыру вытек вместе с кровью. Блин! И смех и грех.

Я честно простоял там больше часа, ожидая, что кто-то всё-таки ткнёт в меня пальцем и придётся объясняться. Но... , как это не удивительно, в тот момент, когда я въехал в бочину автомобиля, никто из 250-ти квартир не смотрел во двор и не видел происшедшего. Уходил домой под печальный рефрен пострадавшего: – Блядь..., убью своё время, но обойду все квартиры... Кто-то, но ведь видел. Вот тогда и поквитаться.... , – плотоядно пообещал он мне в спину.

Прошло две недели и в один из вечеров позвонили в

дверь. На пороге хмуро стоял пострадавший хозяин «Жиги» и у меня дрогнуло сердце: – Узнал..., Блин... Счас начнётся... Щупанье облицовки на моей морде....

Но тот поздоровался спокойно: – Боря, ну ты знаешь про мою беду... Ничего не видел или слышал что-нибудь?

Я нервно сглотнул слюну и отрицательно мотнул головой.
– Хреново... Блин... Никто не видел. Ну, ладно. Если что услышишь – скажи. – Я вновь мотнул головой и закрыл дверь.

Так он и не нашёл свидетеля, а я ещё полгода шарахался от него и чувствовал себя виноватым. Был бы он адекватным, подошёл бы, повинился. Оплатил ущерб. А так что-то не хотелось сначала получить по морде, потом оплатить ущерб. А вскоре и сам забыл про всё это. Правильно говорят – Время лечит ВСЁ.

..... Я вышел из ДК железнодорожников, куда приезжал на сборище нумизматов, и насторожился, от хищно кружившихся вокруг моего чёрного любимца двух молодых людей.

– Вы хозяин мотоцикла, товарищ капитан? – Спросил один из них.

– Я. А в чём проблемы?

– Да нет. Всё нормально, – успокоили меня, – просто мы с киностудии и нам для съёмки сюжета необходим мотоцикл.

– Хм..., а про что хоть фильм?

– Военный. «Тишина» называется.... Ну, как согласны?

– Хм. Интересно. А когда съёмки?

– Да вот в это воскресенье. Подходит?

– Слушайте, интересно. Согласен. А куда ехать, подъезжать, во сколько?

– Вот вам телефончик киностудии. Вы в субботу во второй половине дня позвоните и вам всё расскажут. Да и заработаете немного денег.

Честно сказать, согласие дал и самому было до жути интересно поучаствовать в киносъёмках. Но жизнь такая наша военная в любой момент могла поломать все планы. Да и не верил я особо – как-то так проходили мимо и, увидев подходящий мотоцикл, предложили поучаствовать в съёмках, да ещё деньги заплатить. Но, тем не менее, никто меня на воскресенье задачами не загрузил и в наряд заступать по плану у меня было только в середине следующей недели и во второй половине дня субботы, набрал номер телефона киностудии.

Звоночка моего ждали и обрадовались: – ...А то мы переживали – вдруг у вас там не срастётся... Приезжайте...

С утра воскресенья день обещал быть пасмурным, но без дождя. С собой взял старшего сына Дениса и к 9 часам утра, мы лихо подъехали на угол проспекта Ленина и улицы Луначарского, куда выходил один из входов Свердловской киностудии и припарковался к стоявшему тут же старенькому мотоциклу «Днепр» с коляской.

Но, открывший мне дверь вахтёр, сказал что надо идти в другой корпус киностудии в переулке, кварталом дальше. В просторном и светлом вестибюле лениво слонялся немец-

кий генерал, нарезая круги и смакуя сигарету. Сигаретой он нам молча показал, куда надо идти и где нас ждали. Тут же маялся и знакомый мне офицер-капитан Серёга с танкового полка с Верхней Пышмы. Оказывается, это около его мотоцикла мы припарковались и его тоже пригласили на съёмку. А как всё это будет происходить, он тоже ничего не знал.

Но в таком неизвестном положении мы находились минуты три. С грохотом распахнулась дверь и оттуда вылетела кучка гражданского люда то ли бурно что-то обсуждающих, то ли не менее азартно спорящих. Но всё было гораздо банальнее – режиссер зло и активно драл своих ассистентов, которые что-то не нашли и о чём-то не договорились. Уткнувшись в нас, эта куча остановилась, замолкнув на десять секунд.

– Это кто у нас? – Грозно спросил режиссёр, ткнув в нас пальцами, среди которых торчала давно потухшая сигарета.

– Это, хозяйева мотоциклов, – пискнул уже знакомый нам парень.

– Так вот их и переоденьте и все вопросы разом будут сняты, – отдал приказ режиссёр и пошёл дальше по коридору, обсуждая на ходу остальные вопросы предстоящей съёмки.

Мы сразу и с готовностью согласились поучаствовать в съёмке, но уже через пять минут были в сомнении. Оказывается, надо было играть немецких солдат. Но наше сомнения быстро развеяли.

– Товарищи офицеры, ничего вам говорить на камеру не

надо, играть будете в массовке и на своих мотоциклах изображать мотоциклистов. – Пояснил ассистент.

– Ну, тогда ладно, – согласились мы с Серёгой, переглянулись и рассмеялись, одновременно вспомнив один и тот же свежий анекдот.

Анекдот анекдотом, но вроде бы знающие люди, утверждали, что родиной этого анекдота как раз был Свердловск и даже показывали пальцем на одного окружного полковника, который и сотворил этот сатирический пассаж.

Перед празднованием Дня Победы, все театры и кинотеатры должны были показывать спектакли и фильмы про войну и армию. И наша муз. комедия к этой дате сварганила спектакль про современную армию и на премьеру пригласили с округа офицеров с жёнами. И вот этот полковник, в форме, заходит в фойе муз. комедии и его тут же отлавливают несколько расстроенный режиссёр спектакля. Оказывается, у них, по ходу пьесы, есть третьестепенный герой, как раз полковник, который в ходе спектакля несколько раз выходит на сцену и произносит коротенькие фразы. А актёр, исполняющий эту роль, внезапно заболел и его решили срочно заменить любым первым полковником в форме, пришедшим на спектакль. Вот он первым и оказался.

– Товарищ полковник, ну... надо... Надо... Помогите, – вцепился, как клещ, режиссёр спектакля.

– Да вы что!?! – Взвился испуганно полковник, – да я никогда на сцене то не был. А тут играть. Да тем более всё на-

чинается с моей сцены и ещё что то там надо говорить... Да я забуду сразу всё, как на сцену выйду..., – активно пошёл в отказ офицер.

– Да вам и ничего не надо играть и запоминать ничего не надо. Вам из суфлёрской всё будут говорить, а вам только надо повторять, что говорят. И если ещё с выражением – то вообще всё нормально, – кинулся в решительную атаку режиссёр.

Тут неожиданно его поддержала жена полковника: – Лёня...! Да чего там.... Тем более тебе будут говорить, что делать. Помоги людям, – это всё и решило.

– Ну..., если мне там суфлёр помогать будет...., – и полковник согласился.

Спектакль начался, в тишине открывается занавесь. На сцене полянка в лесу, декорации изображающие деревья и кустарник. В центре полянки пенёчек, на котором сидит полковник, старательно изображая задумчивость.

Из суфлёрской будки послышался шёпот: – Влюбиться бы что ли.....?

Полковник старательно, едва скрывая волнение, громко повторил: – Влюбиться бы что ли...?

Из будки новая порция слов роли: – Да годы не те....

Полковник, не вдумываясь в слова, протяжно протянул: – Да годы не те...., – и как бы снова погрузился в задумчивость.

Через пятнадцать секунд от суфлёра поступила команда: –

И медленно встаёт и уходит...

А полковник бухнул на весь зал: – Да и медленно встаёт...

Хохот в зале, говорят, был гомерический, но этим анекдотом создал хорошую рекламу для посредственного спектакля и народ на него ломился. И хоть больше этих слов не было, после реплики актёра – Да и годы не те...., – по залу дружно и чуть ли не хором шелестело – Да и медленно встаёт...

Нас быстро переодели и мы теперь с интересом крутились у большого зеркала в гримёрке, разглядывая себя с разных сторон, ракурсов и в позах, остро жалея, что не взяли с собой фотоаппарат. Чёрт..., нормально и похоже, только не было автоматов, которые нам выдадут уже на самих съёмках.

– Ну, что налюбовались? Где ваши мотоциклы?

– Там... На перекрёстке Луначарского и Ленина...

– Давайте подгоняйте их сюда, посадите каскадёров и отсюда через пятнадцать минут выезжаем.

– Погодите..., погодите. Там же весь переулок надо пройти и целый квартал проспекта Ленина. Нам что вот так что ли идти? – Искренне удивились мы с Серёгой, раздвинув полы шинелей, а сын смотрел на вас и подкалывал.

– Во... народ там... Шугаться будет или отлупит ещё под горячую руку....?

Во..., во..., – дружно поддержали мы сына, а я попросил, – хоть на какой-нибудь машинёшке довезите до перекрёстка. Там же ещё и штаб округа, а меня половина штаба знает. Вот кто увидит – офицер, коммунист и в фашистской форме по

проспекту шлѐндает. Да вы потом заколебаетесь справки на меня писать про кино....

Ассистент режиссѐра возмущённо возвѐл очи к долу: – Да тут ещё не такое народ видит... Генерала немецкого в вестибюле видели?

– Так он же в вестибюле...

– У него сигареты кончились и он со своим адъютантом попѐрлись за ними в Центральный гастроном. А это несколько подальше, чем ваши драндулеты. Всѐ идите.... У меня своих хлопот по горло.

Мы вышли в просторный и пустой вестибюль и горестно глянули через большие витринные окна в переулок. Там никого не было.

– Серѐга, давай скорым шагом и «морду ящиком» и быстро дойдѐм до мотоциклов. А ты Денис между нами и разговаривай с нами, чтоб народ правильно всѐ подумал и про кино. – И смех и грех, но пришлось вот так инструктировать их. А сын ещё подколол.

– Ага..., если я буду идти между вами, то все подумают, что арестован и меня ведут на допрос в гестапо..., – только и пришлось горестно рассмеяться и цыкнуть на него.

– Иди где хочешь – только рядом.

Переулок мы прошуровали удачно, никого не встретив. Но вывернув на проспект, сразу уткнулись в тѐтку с двумя сетками, наполненными продуктами. Та вылупила на нас глаза и только не присела на асфальт, но мы с каменными

рожами промаршировали мимо. Остальные проходящие, с любопытством окидывали нас взглядом и тут же отводили глаза, чтобы не дай бог не влипнуть куда-нибудь и во что-нибудь ненароком. А проезжающие на машинах и трамваях, аж головы выворачивали, провожая глазами. А вдалеке показался и генерал с адъютантом обер-лейтенантом. Генерал шёл спокойным шагом, непринуждённо общаясь с адъютантом, в длинном, кожаном и распахнутом плаще, под которым виднелся генеральский мундир со всеми какими положено настоящему фашисту атрибутами. Даже лайковые перчатки на руках, где между пальцами испускала синий дымок сигарета.

Переглянувшись с товарищем, и когда до генерала с обер-лейтенантом оставалось четыре шага, одновременно вскинули руки в приветствии. Пассажиры проезжающего мимо трамвая, чуть стёкла не выдавили, когда генерал и сопровождающий его офицер, также ухмыльнувшись, небрежно и вальяжно ответили на наше приветствие. Вот уж разговоров у пассажиров трамвая сегодня будет, да и завтра они также возмущённо будут делиться впечатлениями от прогуливающих подонков в немецкой форме по центру города.

А мы дошли до наших мотоциклов, завелись и не спеша подъехали к киностудии, где уже стоял автобус ПАЗик, Волга киностудии и легковой автомобиль времён Великой Отечественной. Генерал со своим адъютантом, сел в легковушку. На наши мотоциклы уселись каскадёры, тоже в немецкой

форме и небольшая колонна двинулась через город к месту событий. Автобус с надписью «Киносъёмка» шёл впереди, поэтому каких-либо недоразумений с милицией и ГАИ не было. Хотя народ на улицах смотрел с любопытством на такое редкое зрелище. А на выходе из города водитель КАМА-За, самосвала, засмотрелся на нас и на повороте въехал в бетонный столб. Но так... Слегка.

Сами съёмки сюжета, проходили за городом. Сюжет был простенький. Группа наших разведчиков устраивает засаду на дороге, куда и попадает генерал со своей охраной, которую будем играть мы и куча каскадёров. Небольшой бой, захват в плен генерала, увод его лесом к нашим и там же в лесу, генерал стреляется из спрятанного пистолета.

На выбранном участке асфальтовой дороги с нашим прибытием стало сразу многолюдно и суетливо. Режиссёр с ассистентами метались по асфальту, обочинам, кюветам и по мелкому придорожному кустарнику, а за ним бегала кучка операторов и все они горячо и матерно спорили, размахивали руками, тыкали пальцами в разные стороны и каждый доказывал свою точку зрения – Откуда и как будет ехать небольшая колонна немецкого генерала? Под какими ракурсами всё это надо снимать? Под одним или с нескольких точек. Остальные терпеливо ждали, а я, сын и капитан-танкист с огромным любопытством смотрели на эту магию под названием – Кино.

Наконец-то все стороны пришли к единому мнению и

дальнейшее обсуждение пошло уже в спокойном русле. Дружно задымили сигаретами, прошлись по плану сюжета, а ещё через минуту призывно замахали руками, приглашая нас к себе. А дальше в съёмочную суету окунулись все остальные. Вдоль кювета забегали пиротехники, определяясь с местами закладки взрывчатых веществ. Операторы расставляли камеры и замеряли светопотоки на месте съёмки, потом сдвигали камеры немного в сторону. А когда выбрали удачное место, вдруг оказалось, что оно не совсем удачно для пиротехников, в результате чего возник мимолётный, но весьма горячий спор... Вооруженец вытащил оружие, холостые патроны и стал их выдавать актёрам, каскадёрам и нам, записывая в Книгу выдачи все наши данные. А когда расписались – получили оружие. Я получил автомат МП-40 и теперь с интересом его разглядывал, щёлкал, прицеливаясь и принаравливаясь, уже полностью вживаясь в роль немецкого солдата, а потом дал его сыну. Вооруженец нахмурился, видя это, но я махнул ему рукой: – Сын офицера – это почти наполовину военный. Так что не беспокойся..., – и тот отвернулся от нас.

Гримёры, ещё какой-то около киношный люд, всё это клубилось и суетилось кругом. На обочине рывкнул режиссёр, прекращая спор пиротехников и операторов. Через две минуты опять послышался рёв, но более яростный. Оказывается, пиротехники взяли всё, но забыли инструменты и сейчас виновато скулили перед режиссёром. Но тот, оторвавшись

на пиротехниках, подозвал меня к себе.

– Ты у нас капитан? Да? Ага... Садись на мотоцикл и проедь по дороге.... Там по-моему дачи. Попроси у них лопату и ломик. Давай езжай...

Как говориться «пусти козла в огород», получив автомат, холостые патроны и, окончательно превратившись в фашиста, у меня прямо всё чесалось – только бы повыёживаться перед мирным населением. Поэтому уже через минуту я, сын в люльке, а на заднем сиденье каскадёр, под запрещающий рёв вооруженца, помчались в сторону мифических дач. Но дачи оказались на месте, в полукилометре от места съёмки. Затормозив у крайнего дома, я лихо соскочил с мотоцикла и автоматом громко и нагло забарабанил калитку, заметив во дворе мужика: – Эй... рюски музик.... Комм сюда...

– Чё...? Кто там? – Недовольно заорал в ответ хозяин дачи, направившись к калитке, – Чё колотишься в калитку....? Открыть не можешь чё ли...?

Я обернулся к каскадёру, который подошёл ко мне и подмигнул ему. И тот молча и весело кивнул в ответ.

Калитка открылась и пожилой, небритый мужик в удивлении открыл рот. Перед ним стоял два фрица, с автоматами в руках, в касках и со всеми причандалами. Он закрыл рот и закрыл калитку. Потом снова её открыл и опять открыл рот, забыв даже выmaterиться или хотя бы выразить законное сомнение по поводу «Белочки».

– Курка, яйка, млеко... Ням..., ням..., – и оттолкнув му-

жика в сторону, по-хозяйски зашёл во двор, а каскадёр легонько толкнул автоматом хозяина во двор.

– Чё стал? Не видишь, фриц жрать просит?

– Яяя..., яяя..., – обрадованно закивал я головой, – ням..., ням... дафай....

Мужик продолжал в прострации лупать глазами. Только что он занимался своими мирными делами в своём дворе, на Урале, хер его знает в каком времени.... И вдруг во двор входят два фашиста, толкаются автоматом и требуют курку, яйку.... Тут было отчего обалдеть.

– Ну, давай быстрее, а то сейчас стрельнет...., – подтолкнул опять каскадёр стволом автомата. Услышав чистую русскую речь, мужик очнулся и несмело спросил каскадёра.

– Ты значит полицай.... А он...?

– Ты что слепой? – Возмутился новоявленный полицаи и повысил голос, – в гестапо, дурак, захотел...?

– Не..., не... В гестапо не хочу..., – испуганно и сильно закивал мужик головой.

И тут я не выдержал и засмеялся, а следом засмеялся и каскадёр.

– Да..., ладно..., ладно. Пошутили немного... Извини. Кино мы тут снимаем и нам надо лопату и ломик. Как? Дашь? Обязательно вернём.

Но мужик продолжал недоверчиво смотреть на нас и тут сверг нас в новый приступ смеха, видать не совсем въехав в то, что мы только что сказали: – А у меня ни курицы, ни яиц

нету.... И молока тоже....

Только через несколько минут мы получили от него, то что хотели. По-моему мужик сейчас нажрётся или же сбежит от греха подальше, махнув рукой на убогий шанцевый инструмент.

Пиротехники радостно уцепились в инструмент, а ко мне подошёл старший каскадёров.

– Капитан, дай-ка на твоём мотоцикле проехать....

Каскадёр лихо завёл мотоцикл и сразу резко рванул с места. На большой скорости промчался вперёд, круто развернулся и помчался обратно на нас, а потом рывком поднял колесо коляски в воздух и заюлил по дороге, хлопнув колесом рядом с нами.

– А вот этот мотоцикл нам подходит. Его и будем взрывать....

– Кого взрывать? – Тупо спросил я.

– Да всё нормально, капитан. Не беспокойся, взорвём и слегка перевернём... И царапин не будет.

– Не..., я не согласен... Вы, что? Охренели что ли? Я свой мотоцикл лелею, мою, пылинки сдуваю... А вы взрывать... Не..., – я очнулся от ступора и пошёл в активный отказ, – вы же хотели все свои дела делать вон на том мотоцикле.

Уже когда сюда приехали, узнал что мотоцикл Сергея шёл под взрыв, а я на своём просто как мотоцикл охраны генерала. Сергею и деньги неплохие пообещали заплатить и размер их будет варьироваться от степени повреждений.

Но каскадёр сожалеюще вздохнул и поведал: – Всё так, хотели его с переворотом использовать, когда он взорвётся. А я сел на него и попытался на два колеса поставить, а не получается. Начали разбираться, а у него в люльке неподъёмный аккумулятор танковый стоит и не даёт красиво кувыркнуться. Так что остался только твой, капитан. Ну, если что – ты ж деньги получишь..., – привёл он последний аргумент.

– Не..., ну вас на хер. Он у меня один и на чём я ездить буду если что...? Всё..., я отказываюсь от съёмок... Всё..., – пошли они на хер, действительно. Если б я знал про такое блядство заранее – ни черта бы не согласился.

Через две минуты от операторов, где находился режиссёр, донёсся яростный вопль: – Я вас всех разгоню.... Вы же мне все доложили, что всё готово, а пиротехники приехали голые, мотоцикл не переворачивается, другой не хочет... Да что это за херня..? Когда мы наконец-то приступим к съёмкам. Давайте его сюда...., – это уже относилось ко мне, но идти туда мне не пришлось, так как режиссёр и вся его братия бурей неслись ко мне сами и через секунду закружились вокруг меня и моего мотоцикла.

Впрочем, буря утихла очень быстро. Режиссёр посмотрел сначала на Серёгин обшарпанный и явно престарелый мотоцикл, потом сожалеющим взглядом оглядел мой и ему самому стало жалко.

– Мда..., – мдакнул сожалеюще киношный начальник и провёл пальцами по губам, как бы смахивая невидимые

крошки, мдакнул ещё раз и начал уговаривать. Уговаривал мягко и авторитетно. Видать имел большой опыт и гад, уговорил же меня. Чёрт побери. Вывел вперёд всех каскадёров. Они приехали всей бригадой аж из самой Москвы, рассказал, где и в каких фильмах они снимались. Оказывается, я все эти фильмы смотрел. Потом довёл до меня – какие они высокопрофессиональные каскадёры. И снова оказалось, что они все мастера спорта по автогонкам и мотогонкам. Пообещал если что – разорит бюджет фильма, но рассчитается «До копеечки». И я, наивная душа, купился на это. До начала съёмок мой и Серёгин мотоциклы быстро превратили из русских в немецкое БМВ. Причём, это было сделано несколькими «мазками». С моего сняли лобовое стекло и на переднее крыло прицепили такой.., полу изогнутый военный номер, на фару натянули брезентовый чехол с прямоугольной щелью, типа светомаскировки. Навесили разных прибабасов и готово. Да..., ещё слегка помазали грязью....

Поэтому, уже через полчаса, мы стояли своей небольшой колонной за поворотом дороги, ожидая сигнала на начало движения. Первым мотоциклом шёл мой с тремя каскадёрами, потом легковая машина с генералом и его адъютантом. За рулём в немецкой форме сидел хозяин автомобиля и тоже переживал за машину. Правда, его машину не взрывали. Сняли лобовое стекло на половине водителя, вместо него поставили другое, предварительно залепив его микроскопическими порциями взрывчатки. Якобы очередь автомата и че-

тыре маленьких взрывчика на стекле и четыре готовых пулевых отверстий. Потом шёл мотоцикл Сергея. Он сам за рулём, в люльке сидел каскадёр Володя, а на заднем сиденье я.

По сценарию мы выезжаем из-за поворота и напарываемся на огонь разведчиков из засады. Первый мотоцикл, взрывается от гранаты и летит в кювет с переворотом. Расстрелянная легковушка останавливается, и на нашем мотоцикле все убитые. Я падаю с заднего сиденья, каскадёр в люльке наполовину выпадывает из неё, а Серёга просто ложится на руль. Генерала с адъютантом вытаскивают из машины и берут в плен.

Над осенним лесом взлетела ракета и мы тронулись с места. Ехать метров четыреста.... Взметнулся чёрный султан взрыва, но не под мотоциклом, а рядом. Застрочили автоматы и мой мотоцикл действительно с красивым переворотом улетел в глубокий кювет. Легковушка сразу остановилась, якобы подбитая, а я с первыми звуками выстрелов лихо оттолкнулся от подножки и бездумно свалился с заднего сиденья. Свалился ещё когда и мотоцикл не остановился, и на скорости...., так... километров в сорок.

Хрясьсьььь..... Ой как больно!!!! Хрясь, хрясь, хрясь.... Хрясьсььььь..... – это так кувыркало моё тело по асфальту.

Бах..., бах..., бах... – теперь с металлическим звоном уже моя голова стучала по асфальту. С металлическим..., потому что голова, слава богу, была в каске.

Всё по законам физики и когда инерция прекратила мо-

тылять меня по дороге, я замер на ней живописной кучей, изображая насмерть убитого фашиста.

В тот момент, когда на дороге закончились крики и шум, изображающие пленение немецкого генерала, от места, где располагалась камера, послышался восторженный вопль режиссёра: – Отлично.., нормально.... Снято с первого дубля.... Все молодцы!

Но уже через полминуты восторг сменился яростным матом. Операторы не сняли этот дубль. Вообще, даже камеру не включали....

– Да что за ё..... т... м...!? Да что это такое? Что за день такой? Ведь всё было отлично и реалистично. Особенно когда немец на последнем мотоцикле по асфальту размазывался...., – разорялся на операторов режиссёр. Но сразу же сбавил тон, после того как оператор без всякого страха дал отпор.

– Да вы, Вадим Петрович, сами сказали не снимать... Что первый будет тренировочный прогон...., – на этом слышимость резко упала и оттуда слышалась невнятная, в полголо-са перебранка.

А я чесал все места, которые болезненно ныли после такого эффектного падения. А ныло всё.

– Капитан, ну ты даёшь...., – осуждающе произнёс каскадёр Вова из люльки, – кто ж так падает? Не сгруппировался, упал как мешок с гавном, да на такой скорости... Ты же мог там всё себе переломать...

Но я его не слушал, а целеустремлённо шёл к кювету, откуда толпой и с трудом вытаскивали мой мотоцикл, по пути присоединился сын и стал возбуждённо делиться впечатлениями: – Папа, как рванули мотик и он как перевернулся... и из него как всё полетело... Наверно, там всё разбито...

Сердце нехорошо ёкнуло, когда мы подошли к месту взрыва. Мотоцикл уже выкатили из глубокого кювета и на первый взгляд он был здорово растерзан: крышка багажника нахально раскрыта и оттуда вылетело всё, из люльки даже повывлетали сидушки и ещё какой-то хлам и непонятный мусор, как мой, так и то, что повесили на мотоцикл. Тут же каскадёры собирали рассыпанные на дне канавы ключи, домкрат и другие причиндалы, хранившиеся в люлке и пристраивали на место всё остальное. Но при ближайшем рассмотрении, к своему удивлению, не обнаружил никаких повреждений. Даже царапин не было.

– Я же говорил, капитан, что всё будет нормально...., – несколько хвастливо заявил главный каскадёр, тем самым немного меня успокоив.

Перед вторым выездом, уже со съёмкой, попросил каскадёра Вову показать несколько приёмов падения с заднего сиденья, что тот довольно интересно и эффективно продемонстрировал.

– А вот так я буду из люльки выпадывать..., – и тоже показал, но уже несколько по другому и по эффектней, а не как в первый раз.

Второй заезд провалился и всё из-за меня. Режиссёр чуть из штанов от возмущения не выскочил. Ну.., а я то что? Конечно, чувствовал себя виноватым за запоротый дубль, но с любопытством наблюдал «за бурей в стакане», которую тут же соорудил режиссёр.

– Слабо! – Мысленно вынес свой вердикт. Он не знает, что такое «полковое совещание», где разъярённый командир полка безумно машет шашкой направо и налево, где кровь обильно стекает по стенам и где категорично ставятся задачи – «Немедленно», «К утру» или «К понедельнику». И тут же безапелляционно заявляет – А мне по фиг, как ты это будешь выполнять....

Но видать весь этот киношный люд никогда не видел полковых совещаний, поэтому они испуганными зайцами разбегались от гнева режиссёра. А я всё ждал, когда он начнёт разбивать камеру об мою голову или голову оператора. Или же убежит в лес и начнёт там ломать деревья.

Хотя, конечно, обидно, что так лопухнулся. Когда взорвалась около моего мотоцикла обочина и застрекотали автоматы я, дождавшись, замедления хода мотоцикла, сильно оттолкнулся ногами от упоров, чтобы упасть на асфальт, как показывал каскадёр Вова. Но сразу же упёрся задницей в рантик, шедший вдоль всего края заднего, резинового сиденья. Рантик то сам небольшой..., миллиметров 5 всего, но вот уткнулся задницей и застрял, упёршись в такое незначительное препятствие....

Каскадёр Вова уже давно полу вывалился из люльки и из неудобного положения шипел мне: _ Падай..., падай же, сука....

Тоже самое орали мне со всех сторон, но упасть я никак не мог. Застопорилась жопа на резиновом сиденье. И когда разгневанный голос режиссёра взвился выше деревьев в риторическом вопле: – Да когда он же УПАДЁТТтттт-то наконец?? – Я приподнялся над сидущкой, с силой оттолкнулся и упал спиной на асфальт, смешно, совершенно не по «убитому» задрав ноги к небу, чем вызвал дружный смех у всех глазающих на этот цирк. Даже Вова задёргался в смехе где-то внизу коляски.

А через минуту я стоял перед разбушевавшимся режиссёром и с любопытством слушал истеричные вопли, типа: – И откуда берутся такие долб....бы....? Да ещё в армии...

Видать режиссёр всё-таки имел какое-то отношение к армии или хотя бы имел представление, что военные на такую ругань не обижаются. Они привычные и слышат её от своего начальства чуть ли не ежедневно, поэтому он меня чехвостила смело, но вот ничего нового из его крепких выражений не узнал и разочарованно пошёл готовиться к третьему заезду.

Он получился на «Ураааа...». Дубль был снят на зачёт и режиссёр смягчился. Потом снимали, как разведчики вытаскивали генерала с адъютантом из машины. Целых пять дублей, где режиссёр снова рвал и метал... То вытащили немцев

не так.... То вытащили как надо, но у генерала не то выражение лица. На третьем дубле адъютант вылез из машины и пошёл не в ту сторону. На четвёртом досталось разведчикам. У командира разведчиков в самый главный момент из рук позорно выпал автомат ППШ. Но после того, когда режиссёр пообещал «всех убить....» – пятый дубль получился. Потом со второго раза сняли процесс стрельбы разведчиков из засады, из-за огромного валуна или обломка скалы. С первого раза не получилось, потому что уже мой сын отличился и влез в кадр в самый момент дружной стрельбы. Если бы стреляли боевыми, то режиссёр наверно выхватил автомат из рук разведчиков и застрелился. Но так у него только закатились куда-то далеко глаза... Да так, что все слегка испугались, но они, через некоторое время, выкатились обратно и главный на съёмочной площадке вяло распорядился о втором дубле.

Потом сходу сняли, как разведчики с пленными шли по лесу и как застрелился генерал. И вся эта киношная суматоха заняла целых шесть часов. Ещё полчаса ушло на просмотр отснятого, после чего режиссёр «убитым» голосом сказал, что всё отснятое самое натуральное «Говно» и съёмочный день прошёл зря, но уже ничего не поделаешь и завтра надо снимать уже другое.

За эти полчаса со мной и Серёгой рассчитались в киностудийной «Волге». Надо сказать, что на втором дубле у моего мотоцикла качественно загнули руль, а на третьем раз-

били фару.

– Так, товарищ Цеханович Борис Геннадьевич и товарищ капитан, – многозначительно бубнил кассир, заполняя денежную ведомость, считывая мои данные из удостоверения личности, – так..., за использование личных технических средств в съёмке... Распишитесь за 80 рублей.

С удовольствием расписался и с удовлетворённым ворчаньем получил 80 рублей. Таксу мне до этого не озвучили и был приятно удивлён заработанной суммой. 80 рублей – это 25% процентов моего месячного денежного содержания.

– Так..., – продолжал тянуть кассир, – а теперь распишитесь за получение 25 рублей за личное участие в съёмке.

– Ого... Ты гляди-ко... Приятненько, – черкнул подпись и ещё двадцать пять сиреневых рубчиков одной хрустящей банкнотой.

– А теперь... Во сколько вы оцениваете ущерб, причинённый вашему мотоциклу во время съёмок?

– Хммм...? Интересно... А сколько стоит этот погнутый руль? Ну..., я его завтра в гараже выгну.... А сколько фара? Хрен его знает... Ладно. Понаглею., – и начал задумчиво тянуть, – ну..., ну..., наверно.... Рублей.... В сто двадцать пять я уложусь... И то если найду мастера нормального и такую же фару.

– То есть... Мы пишем 125 рублей, – кассир выжидающе уставился на меня.

– Да. 125 рублей, – твёрдо заявил, глядя в глаза кассира

и, готовясь к бурному торгу.

Но тот удовлетворённо буркнул: – Хорошо, – карандашиком вписал в нужную графу, лёгким нажимом цифру 125 и сунул ведомость мне.

– Эге...ге... ге., можно было и больше запросить. Явно потом там будет другая сумма стоять, но уже ручкой. Но и так нормально, – и уверенно расписался и получил деньги. Вылез из машины и мотнул Сергею головой, чтобы тот тоже лез и получил своё. Он получил немного меньше меня. Хоть его мотоцикл и не взрывался, не переворачивался, но и напротив его фамилии тоже стояло повреждение.... Дальше мы буднично вернулись на киностудию, переоделись и покатались с сыном домой. За день съёмок заработал 230 рублей, получил массу впечатлений, заглянул краем глаза за киношные кулисы и теперь с нетерпением ожидал выхода фильма. Вышел он на экраны телевизора через год и шесть часов съёмок уложились в 50 секунд экрана, где я мелькнул серой тенью на заднем плане в течении пары секунд. Но..., всё равно было приятно.

Правда, после светлых и приятных полос, всегда идут чёрные и через неделю я хорошо влетел ментам, после чего мой мотоцикл поставили на штраф стоянку.

Осень всё сильнее и глубже вступала в свои права. Было холодно и часто шли дожди. На мотоцикле кататься стало не комфортно и мы его использовали только по делу. Например, куда-нибудь быстро проскочить, что-то привезти. А тут

в конце недели жена пристала: – Давай сгоняем на совхозные поля и наберём там капусты, а то не за горами ноябрьские праздники и надо будет солить капусту на зиму.

Честно говоря, мне не хотелось ехать на поля, так как это было банальным воровством. Но с другой стороны государство на нас, на военных спокойно наплевало и совсем перестало заботиться о своей армии, забыв мудрую истину, высказанную Наполеоном – «Народ не желающий кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую». Тут бы я слово «Народ» заменил бы на «Государство». И получалось: помимо того, что зарплаты у нас в связи с галопирующей инфляцией не индексировались, так мы уже месяца три не получали своего денежного содержания. Поэтому заинтересованно стал поглядывать по сторонам, чтобы устроиться куда-нибудь на ночную подработку. Но выбор был невелик – либо вышибалой в кабаке, либо ночным охранником или же устроиться грузчиком на железную дорогу. Валя у меня хорошо устроилась в одном из кооперативов главным бухгалтером, получала довольно прилично. И узнав о моей предстоящей подработке, решительно заявила: – Даже не думай, я получаю достаточно, чтобы спокойно прокормить семью. И совсем не заинтересована видом замученного мужа. Иди и спокойно служи, а зарплату рано или поздно вам всё равно выдадут и тогда получится неплохая сумма. – Так что в отличии от многих офицеров, где жёны имели невысокие зарплаты, я по ночам не подрабатывал.

Но как бы мне не хотелось, но периодически приходилось участвовать в набегах на совхозные поля и хоть этим доказывать свою полезность семье.

Ну и вторая причина – что-то не лежало у меня настрое-ние к этой поездке. Сердце подсказывало – добром она не кончиться. Но жена упорно твердила, давила на меня и рано утром в субботу мы помчались за добычей. Подмораживало и пока мы ехали по пустынным и сонным улицам совхоза, потом полями, покрытыми серебристым инеем, проскочили учебный центр с его учебными полями и наконец-то выско-чили в глубокий тыл совхозным полей, замёрзли как цуцки. Поля неплохо охранялись частными охранными предприя-тиями, но к этому краю было довольно трудно им подъехать даже на их ГАЗ-66. Открытое пространство позволяло уви-деть опасность издалека и вовремя смотаться, что позволя-ло спокойно выбрать хорошие кочаны и загрузить в люльку сколько нам надо было.

Слегка разогревшись и повеселевшие поехали обратно, совершенно не предполагая, что у ментов на сегодня за-планирована облава и весь наш район был плотно оцеплен. Вследствие чего мы въехали прямо в руки ментов, стоявшие на окраине совхоза двумя экипажами. Повелительный взмах полосатой палочки и я вынужден был послушно съехать на обочину. Я был в форме, при своих капитанских погонах и если бы тут оказался случайный экипаж ГАИ, думаю, что до-говорился с ними.

Крепенький старший лейтенант подошёл к мотоциклу, равнодушно глянул на меня и, вяло махнув рукой в воинском приветствии, потребовал документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.